
МБУ «Централизованная библиотечная система
Прокопьевского муниципального округа»
Поэтический клуб «Чистые родники»

Людмила Иванова

КОНИ ВРЕМЕНИ

Стихотворения

2026

ББК 84(2Рос-4Кем)5Про
И 20

Редколлегия: Боронихина О. В., Иванова Г.Н.
Ответственная за выпуск: Поп О. В., директор МБУ
«Централизованная библиотечная система Прокопьевского
муниципального округа»

Иванова Л. В. Кони времени : стихотворения / Людмила Владимировна Иванова ; автор вступительной статьи Д. А. Филиппенко ; МБУ «ЦБС Прокопьевского муниципального округа»; Поэтический клуб «Чистые родники». – Трудармейский, поселок, Кемеровская область : [Центральная библиотека], 2026. – 218 с. – Текст : непосредственный. - Илл. на обл Андре Бразилье (фр.)

© МБУ «ЦБС ПМО», 2026

© Иванова Л.В., 2026

Предисловие

Очередной сборник стихотворений Людмилы Ивановой стал долгожданным событием для всех знатоков и любителей её творчества. И это – не преувеличение, произведения поэта из маленького поселка железнодорожной станции Каменный Ключ знакомы широкому кругу читателей Сибири. Талантливые строки Людмилы Владимировны публикуются в региональных литературных сборниках и журналах, участвуют в поэтических конкурсах, используются при создании тематических изданий.

«Кони времени» - третий сборник, публикующий произведения автора в хронологическом порядке. В него вошли стихотворения, написанные в 2012–2013 гг., но ощущения несовременности не возникает – и в этом большая сила поэтического слова, дарованная этому автору. Её стихотворения о Любви, о Войне, о Поэзии, да, впрочем, и другие – находятся вне времени, но всегда актуальны, остры и своеобразны. Профессия историка и большая начитанность автора позволяют ей собственно и самолично судить непростые исторические события, оценивать известные личности – от Моцарта до Смоктуновского, от Есенина до современного музыканта-виртуоза Петра Дранга.

Поэзия Кузбасса – разнообразная и многожанровая, и особое место в ней занимает Людмила Владимировна Иванова – несомненно талантливый и самобытный поэт из поселка станции Каменный Ключ. Поздравляем автора с новой книгой.

Дмитрий Филиппенко, поэт, председатель Кемеровского областного отделения «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

КАК ЭТО БЫЛО

Век живи – век учись, согласно молве,
и дураком помрешь – что ты!
Сидел мой мозг в моей голове
и накапливал шумы и ноты;
он впитывал начала и концы,
как почва пустынная – воду,
он складывал слова,
 как в бочку огурцы,
не различая винтаж и моду.
Он сматывал в клубки разноцветные
запахи, краски и звуки;
затаривал боли и песни заветные,
правды, ошибки и муки;
и пока я в книгу глядела,
 позевывая,
из-под склеенных усталостью ресниц, –
он выбивал смысл,
как из колосьев зерна,
из миллионов страниц!

Он таскал, как белка в дупло шишки,
пристраивая в бадейки,
думы и задумки, мысли и мыслишки,
идеи и идейки –
по папкам и пакетикам,
 что - на весу,
что - внакладку, сберегая, лелея
миры и солнца, звезды и росу,
Пикассо и Бердслея.

Из всякой всячины, бреда и клише
рос, разрастался мерами
не хлам в душе
но храм в душе –
с пилястрами и химерами.
Рифма – со смыслом повенчана.
Тропы-метафоры, где вы?
Ах, права была женщина
с профилем королевы...
Муза моя, девчоночка резвая,
ты здесь ли?
Мнишься ли, снишься?
Ах, ваша светлость Поэзия,
из какой ты ерунды родишься...
31.05.2012

КЕМ РАБОТАЕТ МОЙ БРАТ

Да! Малых сих почти что некому
на путь наставить. Утомителен
сей труд. И, может быть, поэтому
мой брат работает учителем.

Земля зовет к труду заветному,
в святой российской глухомани нам
давно привычному. Поэтому
мой брат работает крестьянином.

А Слово-Бог – назло бесцветному
сияет нестерпимым светом
в ночи... И, может быть, поэтому
мой брат работает поэтом.

Поэзия – как радиация,
всепроникающая и вечна.
А стихотворцы – тоже нация.
Немного странная, конечно...

31.05.2012

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ РИФМЫ

Вот какой случился миг удачный!
Только что за облаком-фатой
тонкий, привередливый, прозрачный
народился месяц молодой...

Ах, закат колышется кумачный!
Ах, тюльпан качает головой!
А в углу, косматый и невзрачный,
притулился отрок домовый...

Тут же под сорочий крик истошный
о сирень, на счастье погадай!
Навязался ветер заполошный,
ветер-неслух, ветер-разгильдяй.

Длись, тянись, наивный, суматошный,
мой козырный, мой залетный май!
Нагрузи работой черносошной,
но - не уходи, не улетай...

Да. Живая жизнь поет и плачет,
дышит, плещет, шепчет и кричит...
Знает только Бог, что это значит.
Знает. Улыбается. Молчит...

31.05.2012

ПОПЫТКА ВЫРАЖАТЬСЯ НАУЧНО

Как правдивы эти песни, и
как сюжеты хороши:
себестоимость поэзии,
окупаемость души...
Деньгам – счет.
Мечты отринуты.
Чтоб развеять легкий сплин,
в нашем сельском магазине ты
купишь яркий апельсин,
купишь сдобного печения,
и в нагрузку наберешь
и надежды, и мучения,
смех и ругань, веру, ложь...

За бюджет – сюжет с заутреней
помолись-ка – не беда,
что ни внешний долг, ни внутренний
Он - не спишет никогда...
Ах, затратно предприятие!
Ах, волнительный вопрос!
Как бы странное занятие
было к делу и всерьез!
А цена уже назначена,
и – стабильная весьма;
жизнью целою оплачена
золотая кутерьма...
Глянь – на душу населения
сколько звезд, и рифм, и солнц...
Никнут спрос и предложение,
отдыхает Доу-Джонс...

В рамках темы нежность пестуя,
набрасаешь не спеша
график точный сумасшествия,
диаграмму мятежа;
понесешь русалкой-павою
ты на голубом глазу
бестолковость величавую
и практичную слезу;
часть тоски на рынок выделяя,
стих любовью наделя...
На любого потребителя:
на шута и короля,
на старушку и на мальчика,
на бомжа и палача...
Тридцать три танцуют зайчика –
блики светлого меча.

Вне любого расписания,
вблизи, и вверх, и вширь, и вдаль
блики светлого сияния
сеет розовый Грааль...
И молитвою, и шуткою
и вином – гуляй, шпана! –
и счастливою минуткою
поклонись, вздыхая, на
обоюдоостром лезвии,
в нерентабельной тиши, -
в высшем качестве поэзии,
в профпригодности души...

04.06.2012

В ШУТКУ О СЕРЬЕЗНЫХ ВЕЩАХ

*Ты смотришь на звезды,
звезда моя...
быть бы мне небом...*

Платон

Ой, не верьте шутам и банкнотам.
Поэт не обязан быть патриотом
и вещать с трибун под вой и стон:
мол, Карфаген должен быть разрушен!
А также в экстазе орать в народ:
взвейтесь-развейтесь, шуруй вперед!
Контроль здесь положен, но невозможен.
Поэт никому ничего не должен.
Однако место есть исключенью –
он бабник, друзья, по определенью,
ведь Муза-то – баба!
И, смею спросить:
кто будет пельмени ему подносить?
Он может быть сплетником и эгоистом,
он может быть – черт! – гомосексуалистом,
как тот же Платон. И, всех рамок вне,
он может быть висельником вполне,
как тот Франсуа. И, право слово –
бомжом-алкоголиком – проще простого...
Еще одну тайну открою в дорогу –
он может прозаиком быть, ей-Богу!
Бродячим жонглером – тоже, впрочем.
Он может художником быть и зодчим,
ученым... Да-да – однажды сесть
и теорию относительности изобрести,

как тот же Альберт (Что за мука, кстати,
вечно с портвейном его рифмовати?)
...Пахать крестьянином от зари до темна
И придумать однажды слово «весна»...

Поэзия – радиация. Душу выжжет,
бетон, гранит и свинец пронижет;
ее лучевой невидимый код
из организму не уйдет.
И кто бы ни был, и где бы по свету
не шлялся поэт – не удастся поэту
порвав-разорвав ариаднину нить,
от доли и боли своей
«откосить»...

22.06.2012

ПРАВОЕ – ЛЕВОЕ

Вот какой ты стал – крутой и строгий...
(я тогда летала, как во сне);
ты – по правой стороне дороги,
я - иду по левой стороне.

Еле здороваемся – даже
не поднимем глаз, ища в пыли
что-то нежно-золотое, наше,
что желали, но не обрели...

Помнишь ли – порою полуночной
дверь мою с петель грозился сбить?
Знаешь, до сих пор не знаю точно,
на какой руке кольцо носить.

Ты любил постольку и поскольку,
ты ходил налево – весь сюжет!
Право – хоть на маленькую дольку
счастья – я имела или нет?

Молоды мы были и лукавы,
На рассвете таяла звезда.
Правы были мы или не правы?
Правды не узнаем никогда.

Улетела вырванной страницей
юность – ни печали, ни вины.

...Только сердце пойманною птицей
ворохнется – с левой стороны...

22.06.2012

НОЧЬЮ

Видишь – запуталась в звездах звезда,
валится вниз, звеня.
Кратное вечности «никогда»
камешком – сквозь меня...
Видишь – запутался ветер в ветвях,
возится в них, шурша.
В травах шелковых крадется впотьмах
брошенная душа.
Лоб обдавая холодным огнем,
лунный зависнет серп.
Полночь подернута серебром
темных плакучих верб.
Видишь – любовь растворилась, светла,
в дымке, в шальной ночи –
призраком, тенью...
Была – не была...
Лучше молчи. Молчи.

01.07.2012

LA BELLE FRANCE

Да! Мушкетер обязан быть расфранчен,
галантен, нагл и немного пьян!
Так на ходу, интригой озадачен,
мне объяснил хитрюга д`Артаньян...
Дух Франции, прекрасной и нахальной,
святой и легкомысленной весьма...
Чем ты силен? Усмешкой ли печальной
веселого, великого Дюма?

Ее соборов, замков, побережий,
дорог, мостов секреты говорят –
о чем?.. Что это? Запах крови свежей
или духов тяжелый аромат?
И каждому герою свод положен
вражды и дружбы, ветреных манер.
И шпага пропоеет, скользя из ножен
со свистом: *a la guerre comme a la guerre!*

И легкость бытия, любви услада –
есть суть и смысл, и логика стиха –
шампанского искрящегося лада,
фривольной философии греха...
Шелка и бархат... Всякого таланта
заслуга очевидна – и вина.
Как шпага записного дуэлянта,
миледи смертоносна и стройна!

Я принимаю в страсти беззаконной
французского уроки – от и до,

в своей Сибири, снегом занесенной,
заочно чтя багряное бордо.
О! C'est la vie! Кути напропалую
меж книгами, делами и людьми,
месье Декарт!
Я тоже существую,
поскольку тоже мыслю, черт возьми!

Дорога в Лувр, веди...
В ночном эфире
взметайтесь, искры бешеных подков!
Все к лучшему в сём заполошном мире,
возможно, кстати, лучшем из миров.
Да, жизнь бурлит, практично-поэтична,
и дух превыше плоти – посмотри...
Так с монитора мне поведал лично
конкретно – сам – Notre-Dame-de-Paris...
08.07.2012

РАЗДУМЬЕ

Что-то гложет, жжет... У края ли?
Не Вторая Мировая ли?

Эх, могилушки солдатские,
одинокие и братские,
знаменитые, забытые,
наспех рытые-зарытые,
а не то – совсем не вырыты,
просто косточки, что сироты, -
под дождями и метелями,
под истлевшими шинелями...

Вы простите ли нас, братики,
вы – погибшие солдатики?

Нас – недобрых, неприкаянных,
непутевых, нераскаянных,
согрешающих старательно,
выражающихся матерно,
нас, самих себя морочащих,
глупо, бешено хохочущих,
нас, глазливых и завистливых,
нас, глумливых, лживых, выпретенных,
нас, бездельных и неряшливых,
нас, убогих и дурашливых, -
за вранье, раздоры-гоноры,
за ворованные доллары,
за деревни разоренные,
за леса, леса сведенные;

за детишек, спяну брошенных,
за старух в пальтишках ношенных...

Вы – безвестно ль, славно ль павшие,
Вы – последнее отдавшие...

Вашей – стоим ли мы памяти?
Вы – заслоните ль нас, встанете –
перед тьмою, адским торгом –
как когда-то – перед ворогом?..
В страшный час – за нашу глупость
перед Господом – заступитесь?

...Чем саднит? Виной, бедою ли?
Не Вторую Мировую ли?
Как невынутую пулю,
ждем – Вторую Мировую...

13.07.2012

ГРУСТНЫЕ СТИХИ

Быть бы нам – стрезва ли, спьяна,
от премьеры до бомжа –
поприятней павиана,
поприветливей ежа.
Не зову напялить фраки,
голубых искать кровей.
...Чуть повежливей собаки,
чуть акулы понежней...

Ах, мадам, побойся Бога!
хоть минутку, хоть чуть-чуть
целомудренней немного
кошки мартовской – побудь!
Что за мода – непременно
весть убогие бои,
быть противнее гиены,
ядовитее змеи...

Нам не морды бы, а лица.
Постыдиться бы слегка.
... Не хитрее, чем лисица,
не ленивее ленивца,
не упрямей ишака,
не жаднее крокодила,
не глупей, чем дикий бык.
Есть же дар – святая сила,
человеческий язык!

Светит умная машина
в каждом доме – благодать!
Впрочем, все ж умней дельфина
нам, ребята, не бывать.
Не счастливей птиц небесных,
не прекраснее дерев
человек – природы неслух,
у нее в царях засев...

То-то, братцы, посмеемся
над собой – неровен час!

Как ни пыжимся, ни бьемся –
все же звери лучше нас...

19.07.2012

НА ЗАКАТЕ

Что там пропоют минутки, тикая?
В песне, в небе, во поле – не зря
незабудка ли, забудка, утка дикая,
тканью невесомую – заря...

Ах, то ли кукушки слезки пролили,
медуница ль – пьяную росу?
Доли моей, воли моей, боли ли –
шалый цвет – в ладонях принесу;
принесу, оставлю ветру сонному,
над прудом развею ввечеру.
Прослежу по небу подпалённому
облаков жемчужную игру.
Пробираюсь рощами-опушками,
вешнюю медовую травой.
А в траве – сапожки ли кукушкины,
огоньков ли отсвет зоревой?

Ах, дождусь ли звездной, яркой зерни я?
Над людской печалию горя,
под смешки русалочки – вечерняя,
ласковая – мешкает заря...

25.07.2012

ВЕРСИФИКАЦИОННЫЙ ОПЫТ НА ОСНОВЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Жил-да-был один амбал:
пиво пил, на ус мотал;
не Буре и не Пеле,
первый парень на селе.
Без напряжения, без труда
вынул рыбку из пруда,
золотую! – в руку сон!
Ну Емеля, ну пижон!
Только золото, вот-вот –
самоваром отдает.
На чужой карман (не хнычь!)
на калым, на магарыч,
на кровать, на каравай –
лучше рта не разевай!
Не товарищ гусь лисе,
не родня трава косе;
и ежа – не думать стать
спелым яблочком пугать –
молодильным, наливным...
Без огня не сладок дым,
а осинки, говорят,
апельсинки не родят.
А то яблочко – беда! –
откатилось в никуда.
Ах, Емелюшка, - запал!
Ах, земелюшка – пропал...
Не пропал – так вышел пан!
Ты в чужой пирушке пьян.

И рубаху – не сымай!
Ближе к телу прижимай!
По-хорошему не гождь,
только по-милу хорош.
Не положит – не возьмет,
сикось-накось, ежкин кот.
Так за так – расти, трава,
ум-то-ум – да лучше два!
На протырку, на авось,
шишел-мышел, дружбу врозь.
Дюж, не дюж – берись за гуж.
Баш-на-баш – объелся груш!
А с уставом-то, земляк,
не ходи в чужой барак!
Баю-бай – гуляй, шпана.
Глядь – Обама – оба-на!
Не прикармливай волков.
В лес не шастай. Будь здоров.
Шел в народ, пошел на лад,
с пятачком – в калашный ряд.
Глаз-алмаз – на сорок бед.
а в огне-то брода нет...

29.07.2012

РАССКАЗ ДАМЫ С ПОРТРЕТА

Судьбы игрушка прихотливой,
заложница молвы людской,-
я сроду не была красивой.
Мне приходилось быть такой.
...Глумилась голытьба, бесстыжа.
Под гильотину кровь текла.
В чаду мятежного Парижа
я выживала, как могла.
Да... дети. Муж казнен. Так что же –
салон... богатые друзья.
Кто б осудил меня, о Боже?
Собою промышляла я.
Я позабыла – о Мадонна! –
гадалку, что в кругу семьи
клялась – опустится корона
на кудри темные мои.
Я легкомысленной казалась,
но не была. Так шли года.
Тот генерал, угрюмый малость,
мне не понравился тогда.
Я – героиня светских сплетен,
шикарна, ветрена... А он...
Он ростом мал, и худ, и бледен,
и беден был - мой солдафон.
Его мундиру, эполетам
я умилялась напоказ,
под глаз его холодным светом
своих не опуская глаз.
Он был моложе. Страсти танец,
детьми клянусь, он начал сам.
Бычок упрямый, корсиканец,
он пал тогда к моим ногам!

Его женою стать решила
я, жрица томная любви.
Ах, что скрывать? Я не любила.
Хотелось замуж. *C'est la vie.*
Не знал он роскоши порочной,
и скромным было торжество.
О, крестик с тоненькой цепочкой –
подарок свадебный его!
Недолго муж мой был со мною –
звала походная труба.
Европу ослепила с бою
его звезда, его судьба...
Он воевал. А мне – игрой лишь
казался орудийный гул.
Но – в грудах сказочных сокровищ
дешевый крестик потонул.
Мой кубок страсти не был выпит,
веселый смерч играл в крови.
Он брал какой-то там Египет.
Я изменяла. *C'est la vie.*
... Париж – в торжественном уборе.
Под гром хвалебной литии
венец он возложил в соборе
на кудри темные мои...
Он шел – и троны содрогались
там, где войска его прошли.
В приемной нашей к стенкам жались
князя, принцессы, короли.
Да – предписал он роскошь свету!
Мой Мальмезон, как ты мне шел!
По драгоценному паркету
скользил мой бархатный подол.
И живописцы, в муках спешных,
шалели от моих очей,

губ вечно сомкнутых и нежных
и сонной грации моей.
Войны грохочущий театр,
красавиц европейских пыл...
А он был мой, мой император.
Лишь только мне он верен был!
О, славы тайны роковые!
От милой Франции вдали
снега неведомой России
его фортуна погребли...
И вот – когда опять у трона
его орел простер крыла,
и снова в бой его знамена
вели солдат – я умерла,
не зная, что в бою жестоком
повержен, снова генерал,
в плену, на острове далеком,
шесть долгих лет он умирал.
Я не слыхала, как в усталом
бреду, у смерти на краю,
меня и Францию назвал он,
меня – и гвардию свою...
Так Бог судил в расчете странном –
всего лишь женщина, жена –
ему была я талисманом,
мила, изящна и... грешна...
Его судить? У нас ли право?
Через века и навсегда –
его трагедия и слава,
его судьба – его звезда...

06.08.2012

АССОНАНС ГРОЗЫ И НОЧИ

...А сердце бьется, как упрямый кочет,
влекомый прочь хитрюгою-лисой...
И небо опустевшее клокочет,
рокочет августовскою грозой.
Всклокоченные вербы... Снова каркать
взялись вороны, шлепаясь рядком,
и молнии курочат дымный бархат,
как ножнички модистки под хмельком.
И теплый дождь обрушится, шалея,
И землю прополощет, хохоча...
И тучи – вскачь! – от ветра-дуралея,
что гонит их с упорством басмача;
и, светом отороченные, цугом
в паломничество вечное уйдут.
Останутся стихи – ни сном, ни духом! –
и строчек развороченный редут.
И ночь придет... И, очи раскрывая,
бесчисленные, черного огня,
устанется – бездонная, живая,
упроча в одиночестве меня.
Не причитай! Но, душу замороча,
отточенную, светлую, как нож,
возьми себе, на время обесточа.
В урочный час - натешисься – вернешь.
И каждый недочет, просчет и вычет
оплачен, взвешен, высчитан до дыр.
Ах, что нужды? Поет, гремит и хнычет,
стрекочет и бормочет Божий мир.

Молочная луна глядит с испугом,
как отрок, оглушенный первачом.
О, точен ход секунд, идущих кругом,
лопочущих неведомо о чем!
Короче, вздор и чушь! Сорвусь, очнусь и
почую запах ветра и цветов.
Спасая Рим, во тьме гогочут гуси.
Спасая мир, хлопочет Саваоф.

...Прости мне, Боже, в суете кромешной
пророчащей неведомый исход, –
покуда непорочно-безмятежной
зарю – раззолочен небосвод...

15.08.2012

ТЕНИ

Ах, тень на плетень наводи, притая
черемуховый настой –
тень ветра, тень облака, тень соловья
и трели его золотой...
Тень света в прозрачном несущем рукаве,
тень времени в дом приведу,
тень лета, уснувшего в мураве,
очнувшегося во льду.
Есть тени надежд, привидений и снов,
и тени дорог и оков,
и сказанных слов, и несказанных слов,
прозы и стихов...
Тень денег шальных, тени мрачных идей
слипаются с тенью войны,
но тени церковью протыкают верней
корявую тень Сатаны.
И тени деревьев скользят, что ни день,
собой оттеняя небосвод;
и тень Левитана найдет светотень,
и тень Мандельштама поет...
Тень страсти ночной, тень сиреновой тьмы
обратно не жди, не зови!
Мы – тени друг друга, затеряны мы
в тени отлетевшей любви...
И, тенью скользя, отражая огни,
верша орбитальный свой путь,
планета уставшая в Божьей тени
успела, сопя, прикорннуть...

16.08.2012

СТРАННЫЕ МЫСЛИ

Над каждой внешней трелью соловья,
над каждым бликом солнечного мая,
над каждой секундой бытия -
злопамятная вечность, нависая,
гудит... тысячелетий и парсек
всей толщею наваливаясь разом...
Из невесомых пут ее вовек
не вывернется суетливый разум.
О, тяготенья гибельный закон!
О, легкий шум паренья и дыхания!
В них – слабость мысли ветреной людской
и в них же – мощь познания и сознания...
Медлительный, торжественный закон
судьбы – забудь!
У тропки на откосе –
прозрачных одуванчиков миллион
сведет его к нулю –
в простом вопросе
о смысле жизни, смерти и мечты.
...А красота всего превыше, кстати –
пусть под ногами, с тлением на «ты»,
пусть мимоходом, мельком, смеху ради...

17.08.2012

ПОПЫТКА МОЛИТЬСЯ

Ты, что разлил над нивою
нежный, шальной рассвет –
дай мне остаться красиво
до девяноста лет!
Пусть – ледяное крошево,
вьюга ли, зной – пустяк!
Пошли мне всего хорошего
не за что-то, а так...
Склоняясь в молитвенном шепоте,
в храме зажгу свечу.
Дай мне богатства, Господи!
До дрожи хочу...
Дай мне мужчину сильного,
чтоб – как за стеной.
Что ж, куковать мне жизнь мою
всю до конца – одной?
Счастье – не преступление.
Все же, ей-Богу, нет
лучше и драгоценнее,
чем этот шальной рассвет...
Лучшее – все сбылось, поди.
Светит церковный свод.
Я пошутила, Господи.
Пусть все идет, как идет.

17.08.2012

ПОТЕРЯ

...Опять строка меня покинула,
нейдет на ум вторые сутки;
ну что ты будешь делать - сгинула
рублем, посеянным в маршрутке.

Забылась, скрылась – и не просится
обратно голосочком звонким,
и где-то прячется, и возится
в траве потерянным котенком.

Везде искала, в сердце глянула,
искала в небе, в поле, в комнате...
Исчезла, растворилась, канула,
блеснув на миг, колечком в омуте...

А, вздор, потеря невеликая,
так, чепуха. И все же жалко.
А вдруг колечко мне, хихикая,
вернет сестра моя русалка?

26.08.2012

НА ТОМ БЕРЕГУ

Лето ушло неизвестно куда.
Рябью усталою дышит вода.
Что там белеет в тумане рассветном
с дальнего берега, с края пруда?

Вот же – поверить глазам не могу:
белая лошадь на том берегу!
Бродит одна, как и я, в августовской
зелени жесткой – на том берегу...

Тихого ветра вздохи легки.
Никнут березы. Молчат тальники.
Мирно, машины приткнув недалече,
сонные замерли рыбаки.

Белая лошадь – из детства привет...
Тихого утра рассеянный свет.
Синею искрой блеснул зимородок -
к счастью, должно быть. А может, и нет.

Тень на невышитой, бледной канве
шею усталую тянет к траве.
Шкура, видать, шелковиста на ощупь.
Лошади – к счастью, согласно молве...

Перебирая за лучиком луч,
солнце неярко лезет из туч,
смотрит на пруд и на белую лошадь,
и на меня из заоблачных круч...

Облачком пар над прохладной водой.
Белая лошадь – о Боже ты мой!
Все же – откуда взялась ты такая,
что натворила с моею душой?

Ястреб засел на промокнушем стогу.
Что же – всю жизнь созерцать на бегу
мне – на ходу, на лету, шутки ради –
светлое счастье – на том берегу...

26.08.2012

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ

Все-таки – с жизнью на «ты» -
пусть без гроша в кармане!

...Лошади, птицы, цветы,
речка в рассветном тумане...
Стоит, ах, стоит того!
Смысл – налицо, если честно.
Пусть не всегда торжество,
маятно, трудно и пресно;
ждать безысходную весть,
жить среди прелого вздора –
стоит, чтоб только прочесть
заново «Три мушкетера»!
Если судьбы колесо
вдруг искривится коварно, -
есть хулиган Пикассо,
есть великан Леонардо.
Женское сердце поет,
каюсь – когда неожиданно
вдруг Домогаров сверкнет
взором с телеэкрана.
Биться, барахтаться, млеть,
мерзнуть – чтоб после согреться,
хрипнуть – чтоб после запеть,
грезы заначить у сердца...
Может, придется, друзья,
выйти в Мадриде на площадь?
Или решат сыновья
внуками вдруг огорошить?

Смысл – налицо.
Пусть никто
платьев не шлет «из Парижу»...
Вот умирать, если что, -
право же, смысла не вижу!

26.08.2012

РУССКАЯ ПЕСНЯ

И вслед за юным гармонистом
душою – как за птичьим клином...
А поле называют чистым,
а небо называют синим...

И жизнь покажется прекрасной
по той причине непростой,
что зорьку называют ясной,
а осень кличут золотой.

А в танце ливня ошалелом –
привет родным полям и кущам.
И свет веками кличут белым,
а черный хлеб зовут насущным.

Душа опять покоя хочет.
печаль-тоска нутро не точит:
ведь добрый молодец прискачет,
а красна девица не плачет...

Согласно клавишам и струнам
поет и дышит мир огромный.
А ветер называют буйным,
а ночь называют темной.

Душа в ночи – летящей искрой.
Скачи, лети, мой конь ретивый!
А речку называют быстрой,
а иву – вновь плакучей ивой.

А Бог-то видит, Бог все знает:
степь лишь широкою бывает;
и православной Русь зовется,
святой и грешной остается;
и удалой ямщик засвищет,
и русской песни сердце ищет...

15.09.2012

ВЫСОЦКИЙ

Под сенью слепой Фортуны
мешались восторг и гнев.
Срывался, терзая струны,
цыганский шальной напев,
веселая, злая сила –
эх, раз, еще много раз!

Испанская грусть сквозила
на дне невозможных глаз!
Французский задор, отвага,
азартный закал бойца;
игрок, мушкетер, бродяга,
над пропастью до конца...

Как спрячешь – поди исчисли!-
за темой киношных проб
скрывавший биенье мысли
высокий античный лоб?
Впилась ли, скажи на милость,
татарской тоски стрела?

Но сердце по-русски билось,
и русская кровь текла,
по жилам струясь неровно,
отчаянье торопя;
луженое русское горло
пульсировало, хрипя.

Литые держали плечи
рифмовки тяжелый ков,
высокое иго речи,
поток раскаленных слов!
Вот так – без игры, без маски –
мужицкую правду крыть...

Принц Гамлет, ответь по-датски –
как быть, чтоб рабом не быть?..
Творец своего устава,
он пел, сочинял, любил;
над ним и молва, и слава –
как тень распростертых крыл...

30.09.2012

ВСЕ КОНЧЕНО

Все кончено. Ведь все конечно;
все бессердечно скоротечно...
Ты улыбаешься прилежно
и лжешь «так искренно, так нежно».
Не нужно. Не смешно. Не стыдно.
Ах, лги – не лги, ни зги не видно...
Ненужной нежности припадок,
нездешней вечности осадок...
О, не брани судьбу!
Как странно...
О, странник мой... все невозбранно,
все несохранно, бестелесно,
что о любви досель известно...
О, не молчи в ночи уныло;
любовь остыла, опочила, -
иному вверена заклатью
и запечатана печатью...
Деревья небо раскачали.
Нельзя стереть печать печали.
Лепечут вербы. Звезды тлеют.
Заря и ветер не жалеют,
цветы и птицы не тоскуют,
а облака луну целуют...
А ты меня - уже не станешь,
уйдешь, пройдешь – как в омут канешь!
Иди, отворотясь беспечно...
Все кончено.
Ничто не вечно.

05.10.2012

КРУТИТСЯ, ВЕРТИТСЯ...

Подумаешь, саднит у сердца...
Подумаешь, глаза печет...
А шарик крутится и вертится;
любовь пройдет и боль пройдет.
И ты пройдешь – дорожкой темною,
ах, - мимо дома моего –
своей любовью неумною
другую тешить – ничего...
Переживу и передумаю,
пережалею, пережгу...
А в небе звездочку найду мою,
во тьме ее подстерегу.
Вот эта улица знакомая,
вот эта барышня-юла...
Рябина плачет невесомая
в саду, где я тебя ждала...
А шарик вертится и крутится,
на радость или на беду.
Я не заплачу – не получится.
Ах, верь, не верь – имей в виду...

09.10.2012

НЕ ОТВЛЕКАЙ

Не отвлекай меня – вдруг посмотрю
нежную, снежную, юную зарю,
словно заутреню, чистую –
розово-серебристую...

Не попрекай меня – я не та.
Муза уставшая кривит уста.
Пальчик к кустам –
всем постам;
чистым упрек листьям!

Не обнимай меня – видишь, встык
клен любопытный к окошку приник,
голые ветки качает.
Ветер к утру крепчает.

Не завлекай меня, не играй!
Ветреный край, тальниковый рай...
Бьется в окно синица –
все до утра простится...

09.10.12

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Струятся звезды отстраненно
в своем порядке колдовском.
А на ветру струится крона
прозрачной ивы под окном...
Струится время, напевая,
плащом серебряным шурша.
Река струится – молодая,
как жизнь, как небо, как душа.
И, безмятежно – в назиданье,
в насмешку ль человечьим снам –
во тьме струится мирозданье,
совсем неподотчетно нам...
Любому радуясь итогу
и в звездном странствуя дыму,
живем мы – благодарны Богу,
неподотчетны никому...

22.10.12

ПО ПИФАГОРУ

Мешает жизнь без разбору
Цифры – по Пифагору.

Отмеченные войною-стервой
Четырнадцатый и Сорок Первый.

Окрашенные кровью и тьмой
Семнадцатый и Тридцать Седьмой.

Горькою славой распятый
Сорок Пятый.

Безжалостные и постные
Девяностые.

Вот так брала на излом человека
Жестокая арифметика
Двадцатого века.

21.10.2012

КАК ЕГО УБИЛИ

И вы пришли.
И ваш протухший Ленин
все расписал: как жить, кому не жить.
И должен был повеситься Есенин,
чтоб вашей б...кой коdle угодить?
Он – побратим берез, создание Божье,
он – дух земли, он – песня во плоти,
чей волос золотой тянул побольше,
чем коммунизм ваш... мать его ети?
Он – знаю! – вам не дался в «Англетере»
тогда, он дрался, сельский хулиган!
Кожанки ваши, долбанные звери,
и ни один ваш гребаный наган –
его не испугали.
Крыл он матом
вас – даже в миг, когда он вздернут был.
Он не один фонарь наверняка там
на ваших ряшках мутных засветил...

25.10.2012

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Готические окна.
Даль чиста.
Прекрасная флорентийка смотрит с холста.
Светят золото,
 жемчуга и атлас,
но они не прекраснее ее глаз!
Алые сполохи –
 розовый куст;
но розы не прекраснее ее уст!
Куртизанка, королева ли...
Хмель без вина...
Бронзовых кос спадает волна.
А где-то за рамою
 наяву и в снах
грезит и молится юный монах.
Безбородый рыцарь –
 железная статья –
сжимает кованую рукоять...
Нежно и насмешливо
 глядит порой
из-за мольберта художник седой...
Легкая улыбка...
Кавалеров не счесть.
Кого она выберет – Бог весть?
Зашуршит юбками –
Евина дочь.
Яркими звездами вышита ночь.
Бархатные туфельки.
Узкий след...
Кто расшнурует ее корсет?

Жизнь протекает,
реальна вполне,
не зная, что она – лишь на полотне...
Полтысячи лет уже
под сенью звезд
красками впечатана в грубый холст...
28.10.2012

БОРОДИНО

Нам, русским ли не знать, что есть такое
победа, и важна ль ее цена...
Уж двести лет нам не дает покоя
кровавая заря Бородина.
«О поле, поле...» - меж твоих просторов,
Россия, меж печальных сел и рощ...
Да! Здесь явил упрямый русский нор
свою, почти что сказочную, мощь...
Да! Весело топча твои проселки,
шли галлы, горяча коней своих,
за человеком в серой треуголке,
что был в плену иллюзий роковых –
при войске сем, доселе не побитом,
притянута – о, Славы вечный зов! –
как будто бы чудовищным магнитом,
на щедрый блеск московских куполов.
О Муза, о судья страды батальной!
Поведай, как на утренней заре
с веселием, с отвагою нахальной
неслись они на русские каре;
как, ядрами шипя, рвались минуты,
как глух был топот тысяч лошадей;
как на Багратионовы редуты
вели солдат Даву, Мюрат и Ней;
как разбивались, до поры бессильны,
славянский пыл кляня на все лады,
и кирасир тяжелые лавины,
и пехотинцев грозные ряды!

Полк за полком рвались, изнемогая,
на левый фланг. Их вышибали вон.
И попросил прощенья у Барклая
разорванный ядром Багратион.
О, есть предел – «его же не преjdeши»!
Французский фарт прославлен был не зря.
Но – вновь на развороченные флeши,
примкнув штыки, ломились егеря.
И в русский центр рвались враги, зверея.
Вздымались груды взорванной земли.
Курганная пылала батарея,
и генералы рядовых вели
в штыки, крепя в отчаяньи суровом
той рукопашной бешеный напор...
И подгонял себя ядреным словом
в жестокой схватке русский гренадер!
И ржали кони, ужасом объаты,
и рушились, сраженные свинцом;
и падали российские солдаты –
упрямо, молча, к Западу лицом;
и падали французские солдаты,
ведомые на гибель гордецом!
Широты Аустерлица... Едва ли
он их нашел в безбрежье русских карт!
В тылу казачьи пашки засверкали,
и пленных не дождался Бонапарт!
Сей факт – он мог ли вызвать перемену
в великом, но взбесившемся уме:
о русских, как о каменную стену,
расшиблась в этот день le Grande Armee...

...Седые космы наклонил Кутузов
над павшими, безвинно виноват,
и страшен был за ставкою французов
горячей кровью залитый закат.

Прошли года, и поутихли толки.
Он пил изгнания горькое вино –
он, человек в потертой треуголке,
угрюмо вспоминал Бородино.
«Да, гвардия, резерв... Тогда б, не споря,
их бросить в бой – и вырвать торжество...»
И таяла в рассветном шуме моря
последняя иллюзия его...

29.10.2012

ЗИМНИЙ МОЦАРТ

...И небесный Элизиум отперт,
и снегами оделись холмы...
Подшамань, как положено, Моцарт,
партитуру сибирской зимы!
Все ты знаешь, все видишь – оттуда
и качаешь слегка головой
в отрицаньи мертвящего блуда
дисгармонии мировой,
в ожиданьи жестокого чуда
вечной, брэнной красы земной.
О, бессмертья щадящая доза!
Контрапункт снегопада, цари!
Вот – басовые ноты мороза,
вот – скрипичные трели зари
нежно-розовой – на амальгаме
ледяной, в ореоле ветвей
обнаженных, в застенчивой гамме
переливчатых снежных теней...
Счастье ищем...
Отчасти – обрящем.
Вот оно – посмотри, оглянись –
в серебристом стаккато звенящем
зимних звезд, озаряющих высь!
Вечен плен их безмолвного хора...
Проявляется, слышится мне
кружевное легато узора,
проступившего в зимнем окне...
Моцарт – правь!
В сей юдоли печальной,

здесь, на лоне застывшей земли,
причасти нас сонатой хрустальной
и от немочи нас отмоли.
Дымный шлейф наступающей ночи,
черно-белый хрустящий уют.
Черно-белые крылья сорочки,
словно клавиши, запоют...
Си-минор!
Вот ветра загудели,
в легкомыслии нас укоря.
Смертоносное скерцо метели
заиграет оркестр декабря.
Вот наш грех.
Вот – аккордная плата.
Солнце всхлипнет – большое дитя,
в оркестровую яму заката
в одиночестве нисходя.
О, играй!
С этой мукой бесслезной
как звучишь, как рифмуешься ты,
Моцарт –
в царстве невинной и грозной,
и немислимой чистоты...
02.11.2012

МЕЧТА

Часто думаю устало под немолчный стон метели:
повстречать бы мне грузина, не в мечтах

— на самом деле...

Не подумайте плохого о моей, собратья, цели!
Я хочу, чтоб по-грузински мне читали Руставели...

Я услышу речь поэта. Слово дивное, цари!

Вейся мысию по древу, в небе соколом пари!

Рыскай волком по чащобам...

Время быстрое, замри!

Чтоб божественный шаири пел до утренней зари;

чтоб гортанные созвучья воздух ветренный взрывали;

чтобы медом золотистым рифмы медленно стекали;

чтобы жизнь тигровой шкурой

растилалась в синей дали;

чтоб бессмертной, древней, юной

мы поэзию назвали...

Чтоб любовь была навечно и объятья горячи;

чтоб вино текло рекою, чтоб исчезли палачи;

чтобы лишь в защиту слабых подымались бы мечи...

Чтобы Игорева стязи в южной реяли ночи...

02.11.2012

СЕСТРА МОЯ ЕВРОПА

Европа-Джинневера,
веков река...
Ты, как Венера,
далека...
Но – клянусь сердцем я
и Духом Святым –
моя Флоренция,
мой Рим!

Обычное чудо,
веры купель;
каменная груда -
аббатство Сен-Мишель...
Светится лилия
твоя, Мадонна –
Саграда Фамилия,
Барселона...

В рамах тени
инфантов и инфант;
мой Гейне,
мой Дант.
В воздухе строго
висит без опор
призрак Бога –
Кельнский собор.

Метры и метрессы
во всем правы:

Париж стоит мессы,
Лондон – головы...
Привкус симфоний
на губах:
моя Тальони,
мой Бах!

Гарсон поникший,
божолё налей!
мой Ницше,
мой Бердслей.
В циничную стужу
воистину свята
взрывающая душу
красота!

Восторженные вопли,
руки на руле –
мерседесы, опели,
шевроле...
Министры-мытари
от кутюр –
это вам не рыцари
с миниатюр...

Далеко ли, около
кроется рок?
Бритва Оккама
пластает поперек.
Моря не обозначены
людских слез.

Эсэсовские мальчики
от Хьюго Босс...

От нового потопа,
смиренье копя,
сестра моя Европа,
храни себя...
Лев вегетарианский
грозит с герба,
и чертик корсиканский
вверху столба...
И дож венецианский,
и дождь венерианский...

03.11.2012

ПЕТР ДРАНГА

...Сбежав от своих задачек,
от скачек – увидим сон:
красивый столичный мальчик,
тяжелый аккордеон...
Артист колдовского ранга –
отчаянно он играл;
взрывные хиты и танго
летели в притихший зал.

Работал – не славы ради,
не Бог, не герой, не сноб –
так, что смоляные пряди
спadaли на чистый лоб;
для нас, деревенских теток,
играл – не скупился он;
точенный склоняя подбородок
на тяжкий аккордеон.

Счастливая ли, несчастная –
у каждой любовь была;
и вот – «Калина красная»
над залoю поплыла,
и радуясь, и жалея,
грустя и печаль тая;
где вызрела, ярко рдея,
калина – душа моя?

Ах, там ли звучало лучше,
на том ли краю земли?

Что пели? «Besa me, mucho»?
«Калину» ли завели?
И стлался напев печальный,
над этой большой толпой,
сугубо провинциальной,
отчаянно немужской...

Мы вышли. Вовсю кружились
снежинки, легки, легки.
Мы медленно расходились,
вздыхая в воротники
и выяснив, между делом,
что мир, вопреки всему,
и в частном хорош, и в целом,
и выстроен по уму.

Был временно рай подарен, -
но в душах остался он –
залетка, столичный парень...
Тяжелый аккордеон...

03.11. 2012

ЛЕРМОНТОВ

Как он лелеял сладостное бремя
стихов... Спешил, нахлестывал себя,
как будто бы с бичом стояло время
над детскими плечами, торопя
безжалостно, сгущая воздух синий,
нашептывая вечные слова!

И крыльями всполошенных Эринний
невидимых – кипела синева
ночная.

Перешептываясь робко,
глядели звезды:
страсти юный пыл...

Свеча...

Бумаги вспугнутая стопка...

Ломают перья отрок Михаил...

О, как же он трудился черносошно,
мальчишка, барин, - гений притая,
литой размер вынянчивал дотошно,
железных рифм выковывал края;
в предчувствии любви и катастрофы,
и славы – пел, отсчитывая дни.

...И смерть кралась в разбуженные строфы,
неслышно ставя тонкие ступни.

05.11.2012

**ПРО ЖИЗНЬ,
ИЛИ ПРИВЫЧКА ПЕТЬ ПО УТРАМ**

Живем – топорно, задорно, вздорно,
безжалостно и смешно!

А Эдгар По выпрашивал ворона
про все, и про жизнь заодно.

И снова встаем, и поем спозаранку
на этой грешной земле.

А Пушкин выпрашивал старую няньку
про все, и про жизнь в том числе.

Светит луна – туманный сапфир,
Вертер бредет, безутешен.
И все-таки – ради чего этот мир,
исчислен, измерен и взвешен?

Жесть!

Что ли, тяпнуть по маленькой?

Да кто же знает ответ?

Ворон, да бабушка на завалинке,
да полусумасшедший поэт...

06.11.2012

ШУТЛИВАЯ ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ 66 СОНЕТА

Дышит холодом закат.
Е равно mc квадрат.
Облаков летучий бег.
F равно mg навек.
Что, чему, когда равно –
все исчислено давно;
элементы, к ряду ряд,
все по полочкам лежат;
зверь в чащобе, свет в дому –
по науке, по уму...
Бездна – к бездне, к гену – ген.
И планеты легкий крен,
и кометы дымный хвост,
и состав далеких звезд...
Все серьезно, не в обман:
Бэкон, Ньютон, Перельман.
Интеграл ли, интернет...

Что там Бэкон?
Счастья нет.
Что все АН и все КБ,
если А не любит Б?
Если В дурным путем
бросил женщину с дитем?
Если Г бомбил Ирак?
Д – начальник, но дурак?
Е – до веры дорвалась,
в Божьем храме заголясь?

Если Ж сбежал с казной?
З разводится с женой?
Если спились К и Л?
М за руль поддатый сел?
Н сдурел, надыбал ствол,
ищет кровушки, орел?
О – несправедный судья...
И так далее, друзья...

С общим раем дело швах,
если возится впотьмах,
колотся и спеша,
вечно Бога тормоша,
ни дурна, ни хороша –
человечия душа...

11.11.2012

ТЕАТР

Гляди веселей.
Не спится – налей.
И болью своей,
и голью своей,
и волей-душой,
и долей-межой,
и думой-сумой,
и жизнью самой –
упиться – сумеи!
Разбиться – не смей!
От плясок хмелей
хмельных Саломей!
За веками – век...
Порывами – снег,
прорывами – свет
над пропастью лет,
над бременем зим,
над временем сим...
Размазанный грим...
стареющий мим...
Театром – весь мир,
и сценой – эфир,
софитами звезд
просвечен внахлест.
Смотри – не жалеи;
пространство – согрей –
И болью своей,
и ролью своей,
и долей-душой,
и полем- межой...

11.11.2012

ПАМ'ЯТИ СЕМЕНА ГУДЗЕНКО

*Нас не нужно жалеть,
ведь и мы б никого не жалели...*
С. Гудзенко

Знаю этот обряд поклоненья бряцающей лире.
Слышу в вечной тиши
 тот гомеров божественный ритм.
А стихи – существуют уже!
 И мерцают в безмолвном эфире,
и поэт пробивается к ним
 сквозь заслоны отринутых рифм,
через надолбы суффиксов, через окопы спряжений,
подрывая гранатой метафор упрямую толщу веков...
Он взыскует цензурных и прочих,
 и прочих, друзья, выражений,
и пятнает нагую бумагу осколками черновиков.

Он в разведку летит!
 То ли взнуздан Пегас в золотом камуфляже?
 Он взмывает над сим
 развороченным полем. Иди и смотри:
 вот он, вот – озирает редуты, и флешы,
 и цели – чужие и наши...
 Конь черпает крылами
 горячий расплав раскаленной зари.
 О, простите, друзья, что сравнила метанья поэта
 с этой горькою славой,
 смертельной работой солдатской. Да-да,
 ведь поэты творят в безопасной тиши кабинета.
 Как хотелось бы мне, чтобы так получалось всегда!

Как хотелось бы мне,
 чтоб поэты не гибли в сраженьи,
чтоб не падали, скошены
 черным разрывом, в осеннюю грязь,
Не остались, прошитые пулей,
 висеть на немом загражденьи,
на колючую проволоку мертвым плечом навалясь...

Это трудно вполне –
 быть хорошим российским поэтом
и делиться с народом надеждой, тоской и судьбой.
Это больно и тяжко порою, друзья,
 только речь не об этом,
речь об этой безумной,
 жестокой, дымящейся передовой.

Ведь они пробивались, в крови,
 к этой странной, загадочной цели,
чтоб набатом гудел растревоженный стих,
 окрылялся и рос.
...Я жалею их, да. Ведь они-то,
 конечно, друг друга жалели.
Но молчали они. По-мужски.
 И скорбели сурово, без слез.
 11.11.2012

НОТР-ДАМ

Далёко в Париже, где Сена мерцает, -
тяжкий покой храня,
стоит Нотр-Дам-де-Пари, и не знает,
что мирит с жизнью меня;
что эти каменные святые
в мои поселились сны;
что витражей переливы живые
из Сибири видны;
что эти стрельчатые ребра и своды,
что этот гранитный неф –
и моей веры, души и свободы
готический перепев;
что – пусть ворожит судьба-цыганка –
ах, птички мы в Божьей руке! –
он нужен мне не менее, чем эта буханка,
купленная в ларьке...

29.11.2012

О ЖИЗНИ

Жизнь – что бы не вытворяла с нами,
какие б ни выкидывала антраша, -
с этими березками и первыми цветами
по определению хороша;
по определению драгоценна,
сама по себе и как таковая.

...За лучшим гонимся ночью и днём,
ломимся, деремся, находя и теряя;
всегда готовы свое выбить
в кущах маленьких адов и раев...

А с чего мы взяли, что в ней должны быть
непременным бонусом – счастье и кайф?

А как же те, тогда – под бомбежками?
«Царица полей» под Ржевом и Обоянью,
что травила анекдоты, работая ложками,
ополовиненная боями?

А юные летчики «взлет – посадка»,
взятые на учет судьбою суровой, -
с ней же вперегонки, от гибели украдкой,
обнимали девчонок из офицерской столовой?

А те танкисты, что с «тиграми» бились
(заря над Прохоровкой кровью цвела), -
захлопывали люки и весело матерились,
зная, что скорей всего, сгорят дотла?

Так миллионы наших комикадзе,
жестокую Отчизну подпирая плечом,
короткую жизнь свою не прочили в святцы.

Они-то знали, что она и почем.

29.11.2012

КОМПЛЕКС НЕПОЛНОЦЕННОСТИ

Да, грустно... и завидно... и живет
в душе моей дымящаяся рана...
Не дотянуться мне до тех высот:
«В полдневный жар в долине Дагестана»;

и белкою по древу не вскочить,
и соколихой рваться ввысь – не стоит.
Ах, нет – в том измерении мне не быть,
где вечно «буря мглою небо кроет»!

О, моего ль монастыря устав
поэзии жестокое игрище?
И свихнутый столетия сустав
мне не нащупать, как нащупал Ницше...

И вот – пока гармонией пустой
бумажный лист рука моя марает,
на малом полустанке умирает
бесплотный дед с фамилией Толстой.

Ну что ж – еще горит луна в окне,
не чую я годов лихого груза.
Пусть в личной стихотворной кухне мне
подаст солонку встрепанная Муза.

О, горечь знания! Горькой правды свет!
Безумство храбрых – все сверяя снова,
писать стихи, - презрев те тыщи лет -
и до, и после Рождества Христова...

29.11.2012

СОВЕТ

Вот и снег – принакрывший зданья
и халупы, и лес, и грязь.
Человеческие созданья,
что ж вы мечетесь, заходясь –
вечно в поисках нег, спиртного,
правды, славы, сладостей, банкнот...
Почему бы не вникнуть снова
в переливы хрустальных нот,
в пересуды сорок серьезных,
в перекрестья ветвей – хоть раз;
в розоватый нездешний отблеск
на снегу – в предрассветный час;
в разговор этих елей дивных,
в завыванья залетных вьюг –
как когда-то в годах наивных,
детских, праведных...
Помнишь, друг,
как к земле был два раза ближе,
был неловок, и глуп, и смел...
Под сапожками лед – бери же! -
словно сахар, крошась, хрустел.
И Земля, голубым обвита,
погруженная в облака,
так чудесно была открыта,
так чудовищно велика...

03.12.2012

БАЛЛАДА О ГРАФСКОЙ ДОЧЕРИ И О РЫЦАРЕ ЛУИ

Хоть прошлого дни затерялись вдали,
но страшные байки века припасли.

В долине Прованса, где дышит покой,
причудливый замок стоял над рекой.

Там граф пожилой проживал много лет.
Вот дочку Диану выводит он в свет.

Была хороша эта графская дочь,
не как светлый день, но как темная ночь.

Черны ее косы, как небо в ночи,
и очи пылают — две черных свечи.

Мужчины Прованса пленялись не раз
холодным огнем тех чарующих глаз,

прелестной головкой, походкой живой
и пышных кудрей благовонной волной...

Но странные в замке творились дела:
своих кавалеров Диана гнала!

Балы да охоты идут чередой,
но в Божию церковь она — ни ногой...

А надо сказать, что второй уже год
был в целой округе запуган народ:

безбожные вещи случались там,
неведомый зверь убивал по ночам.

Бродил в полнолуние, творил, что хотел...
Ах, сколько их было, растерзанных тел!

Ах, сколько оплакало бедных семей
и девушек юных, и малых детей!

Но что господам до крестьянских обид!
Кто в замке живет – безмятежно он спит!

...В Прованс переехал, покинувши двор,
прославленный рыцарь Луи де Бофор;

в Святой он земле, в палестинских краях,
за веру Христову испытан в боях;

он молод и строен, и вот, наконец,
влюбилась графиня Диана де Рец!

Но свет для нее в одночасье померк:
девичью любовь крестоносец отверг...

Вот как-то, дела переделав свои,
в поместье свое возвращался Луи.

Лесною дорогой, без свиты, один,
он едет в ночи, молодой паладин.

Упрямится конь, и под полной луной
угрюмо колышется сумрак лесной.

И кажется рыцарю: кто-то за ним
крадется во тьме, Сатаною гоним...

Но воина Храма нельзя испугать;
он крепко сжимает меча рукоять.

...О Боже! Из мрака, из зарослей вмиг
чудовищный зверь на дороге возник!

Косматый хребет извивался змеей,
из глотки рвались и рычанье, и вой;

и дьявольской злобой горели зрачки,
и в пасти ужасной светились клыки!

Кровавою тенью покрылась луна;
вот страшные когти уж рвут скакуна.

Вот конь зашатался и валится в грязь,
и спешился юноша, перекрестясь;

он Господа Бога на помощь призывал,
без страха стоял он – броска ожидал;

искусный боец, увернуться он смог,
переднюю лапу он зверю отсёк!

И, ревом глухим сотрясая холмы,
в чащобу убралось исчадие тьмы.

...Поутру у графа немало забот:
любимая дочь заперлась, не встает.

Вот слуги дрожащие вскрыли засов...
В кровавых потеках – роскошный альков!

Качаясь, сидела на ложе она
с лицом искаженным, как саван, бледна;

слипаются волосы в смертном поту,
бессильно проклятья клокочут во рту...

«О дочь моя, где же твоя красота?
Какие проклятья лепечут уста?

Что вижу! Твои побелели виски!
Обернут шелками... обрубок руки...»

Хоть графская дочь не взошла на костер,
убийства в ночи прекратились с тех пор.

И много веков пролетело, прошло...
но бродит кругом неубитое зло.

Огонь Сатаны не погас, не утих.
Немало, немало их ходит таких:

красавцев и умниц, приятных с лица,
чьи черною злобой вскипают сердца,

чьи в зависти, в корысти тянутся дни,
хоть ночью волками не рыщут они...

От зла, стерегущего дух наш и плоть,
среди ночи и дня – охрани нас, Господь...

05.12.2012

АРИФМЕТИКА БЫТИЯ

...Так и строится, завлекая
в галактические края,
сумасшедшая и живая
арифметика бытия.
Умножаются скорби – махом,
ощетинясь косым крестом;
обнуляются скорби – Бахом,
тонут в Моцарте золотом...
И покуда вперед – ни шатко
и ни валко – бредут года –
вечность делится без остатка
на упрямое «никогда».

Все исчислено. Сердце дружит
с забубенною головой.
Мириады снежинок кружат
в зимней замяти вихревой;
мириады нейтрино служат
сей гармонии мировой.
Что с того – пусть судьба вздымает
за здоровье угрюмый тост...
Знаешь – где-то в ночи пылает
хоровод неучтенных звезд.
Там, в ночи – но другой, не этой –
в измереньи блаженных мест
над какой-то другой планетой
нависает декартов крест.

Но Распятъя не будет, Равви!
Острова не идут на дно;
аутодафе ни в сне, ни в яви
не сбывается ни одно.
А историки там – усердны,
но, улыбчивы и просты,
пересчитывают не жертвы,
а метафоры и цветы...

05.12.2012.

УРОК ИСТОРИИ

...Немцы за Доном.
Сорок второй.
Приказ «Ни шагу назад!»
Мальчик, в учебнике карту открой –
Сталинград...
Сорок второй. Несущие горе,
черные стрелы – в ряд.
Школьная карта.
Урок истории.
Сталинград.
Выгиб синего Дона.
Вольной Волги раскат.
Соль отступленья. Пробиты знамена.
Сталинград.
Линия фронта – тупым углом.
Тупого усердья зуд.
В серых мундирах с черным орлом –
арийцы прут.
Пылают станицы в поле изрытом.
Небо горит.
Черные птицы – за «мессершмидтом» -
«мессершмидт».
Черные танки с крестами –
вдоль дорог.
«Gott mit uns»...
А Бог-то не с вами –
с нами Бог!
Русской земли захотели?
Не будьте в обиде,
гости-сваты,

в Волгу упершись – нате, берите –
полные рты!
Город у Волги меж плесов туманных,
сонных равнин...
Весь в мешанине развалин рваных
и дымных руин.
Город у Волги...
Стольким, стольким
жизням цена!
Почва – доныне
на метр осколками
начинена.
Здесь вцепились в горящую землю,
не видя ночи и дня,
люди бессмертья,
люди железа
и огня;
люди из крови и плоти,
мужья и сыны,
пахари в тяжелой, смертельной работе
войны, -
в эти руины ложились, нечитаны,
за братом – брат.
...Школьные карты держите открытыми.
Сталинград.

Шли, - чтоб замкнуть эти вражьи орды
в адском кругу, -
в степь задубевшую – за ротами роты,
по пояс в снегу;
горячего снега - черная горечь
в черной пыли...

Танки Гота лезли на помощь –
не прошли.

А как вам
В разбомбленных вами квартирах?
Вшивый зуд
в серых мундирах, в черных мундирах.
«Гитлер капут!»
Где дожидались
в лести поспешной
лживых команд –
черные флаги в Берлине вывешивай,
«фатерлянд»!
А здесь –
упорства русского мерка –
кровью ран
залитый весь с подножья до верха
Мамаев курган.

Цену Победы – знаете?
Знаете
горький расклад?
Люди! Откройте карту памяти –
Сталинград!
Слышите –
в тихой классной комнате –
славы
скорбный набат?
Школьная карта в учебнике...
Помните
Сталинград.

17.12.2012

ПАМЯТИ ОПЕРЕТТЫ

Покуда молекулы страха
пасутся в крутом вираже –
веселенький ад Оффенбаха
по сцене запрыгал уже;
и ножки танцовщиц взметнулись,
и взвились оборки, кружась;
здесь говор неведомых улиц,
неведомой радости власть...
Потрепаны, но искушённые,
пижоны во фраках – толпой;
и пышный турнюр примадонны
сияет красой неземной.
И мед легкомысленной сказки
и соль немудреных острот;
дурацкие песни и пляски
и к жизни дурацкий подход;
дурацких гусар эполеты,
дурацких цыган парики –
в укор равнодушию Леты,
жестокой судьбе вопреки;
кровавой истории – в пику,
назло всемогущему злу...
Татьяну Васильевну Шмыгу
услышь – в сем печальном балу...
Особенно не беспокоясь
и чтя театральный закон,
играл дурачков и пропойц
мудрец местечковый Ярон...

Вот скажет он, шлепнув мамзельку,
из той закулисной пыли,
что кони уж пьяные в стельку,
а хлопцев давно запрягли!
Сюжет старомодных картинок
забрызжет, развязен и лих,
то с черных кругов грампластинок,
то с теликов полуслепых.
И Кальмана – не по «фанере»! –
и Штрауса, вальс и канкан
в своей залихватской манере
«урежет» оркестр-хулиган!
Вихрь страсти – и вихри воланов!
Поклонимся (слезы из глаз!):
тягчайший «легчайший из жанров»
поет и танцует для нас!
И век-волкодав, этикету
согласно,
вельможно застыв,
поклонится, чтя оперетту -
бессмертья наивный мотив!

23.12.2012

СТИХИ

... И я дождусь, чтоб пресекла дыханье
стихия легковейного стиха,
чтоб обняла и заняла сознание
божественная эта чепуха;
чтоб, пульсу в такт, как прежде - и впервые -
свивались в цепь заветные слова,
надменные, печальные, живые,
просеянные ситом естества;
просоленные солью океана,
просвеченные звездами пути;
саднящие мучительно, как рана,
блаженно-золотые, как нирвана,
печальные, как Будда во плоти...

Они, конечно, лгут, шалют, портчат
и создают роскошный уют;
они, конечно, ничего не значат,
они отдельной жизнью живут.
Ни с чем они в миру не совпадают –
не ценник, не рецепт и не конвой;
они, как звезды вечные, мерцают
над человеческой глупой головой.

Их грозный свет столетия понижен –
да, вещь в себе, навечно скрытый код...

Их на бумажку Хлебников запишет
и в наволочку тихо запихнет...

30.12.2012

ЛИТВИНОВА

...И Сивилла явила пред нами
роковую Мистерию Буфф,
совершенными дрогнув губами,
совершенную бровь изогнув...

Дух прочнее железного сейфа,
тонких плеч заводная игра...
Потому что проста, словно эфа,
потому что, как голубь, мудра...

Comme il faute – в сем растрепанном мире,
в суете, в пустоте, в мираже;
пусть – в мундире, в порфире, в эфире,
в соблазнительном неглиже.

Что поделать? Раздетая маха
и одетая – равно светла.
Человек – квинтэссенция праха,
а добро – квинтэссенция зла.

Клитемнестра изящного вздора,
Лорелея духов и белья –
в телебашне, в портале собора,
на солдатском посту режиссера,
в будуаре – повсюду своя...

Прочь, попса! Прочь, припевы холопы!
Прочь, убожество званий и каст!
Абсолютную правду – как хобби –
абсолютная тайна создаст.

Видишь – руки ломает манерно
призрак памяти в глуби зеркал?
Безмятежно, невинно и мерно
раскаленный куется запал.

Здесь, в отчизне погашенных домен,
где за доллары гонят мечту, -
термоядерной вспышке подобен
ум, помноженный на красоту...

31.12.2012.

НЕПРАВИЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Ах, тоскою я не маюсь,
счастье зыбкое ловлю;
никому я не признаюсь,
что женатого люблю.
Пусть такая я, сякая,
пусть разлучница-змея...
Для него лишь, сердцем тая,
прихорашиваюсь я.

Как вечернею порою
в руки зеркальце возьму...
Никому я не открою,
только парню моему.
Обнимая и целуя,
долго к ней не отпущу;
Нет, его ведь не зову я,
не на привязи тащу.

Приворот я не творила,
отвернуться – нету сил!
В час недобрый – полюбила,
на беду – он полюбил.
Не помочь такой беде ведь
ни весною, ни в пургу.
Ни с собой, ни с ним поделать
ничего я не могу.

Солнце ль светит, вьюга ль свищет,
он проходит белым днем –

и меня глазами ищет
в кружевном окне моем.
Снегу зимушка наносит
на нарядное крыльцо.
Он не снимет, он не сбросит
обручальное кольцо.

И не надо! Той дорожке,
той тропинке – нет конца!
Ах, луна висит в окошке,
будто жемчуг из ларца, -
из того ль ларца золотого,
где запрятаны в ночи
от сердечка молодого
невозвратные ключи.

Не порвать ту цепь, похоже,
что невидимо светла...
Как же быть?
Прости нам, Боже,
наши грешные дела...

03.01.2013

НОЧНАЯ ГРОЗА

Астры, поникнув во тьме, в такт
головками закачали.
Тучи в ночи нависли, как
обозначенье печали.
Сполох за сполохом жажнули, грянули
в гулкий небес там-там;
ой! – подозрительно веселые ангелы
запрыгали по облакам...
Синего ветра гудят мехи;
ломаной молнии линия –
чтобы жизнь пролилась в стихи
бешеным слогом ливня, -
с лету небесной влагой даря,
бешеный стиль диктуя;
слух мне и зренье даны не зря, -
дождь, твою речь учту я!
Стелется стих – ручного литья,
ветреного покроя.
О сумасшествие бытия,
о легкомыслие забытья
вечного, о шебутное «я», -
с вами мне нет покоя!

05.01.2013

ЦЫГАН

...И цыган запекает Есенина
Запекается в горле ком.
Слово гения. Голос гения –
расплавленным серебром.
Вон на полке – простая рамочка,
мама в ней улыбается мне.
Не ходи на дорогу, мамочка,
в старомодном своем шушуне...
А цыган распевает Есенина.
Клен опавший – за тихим окном.
С ветром спелася ночь осенняя,
все осыпется. Все умрем.
...Все – воскреснем! Не зря, как водится,
думы черные тормоза,
в этом бешеном трио сходятся
слово, музыка и душа!
Чтоб так петь, так раздольно-отчаянно –
нужно русским цыганом быть.
Память звонкая в гены запаяна.
Будем петь – значит, будем жить.
Тройка мчится, подковы цокают,
месяц долю мне нагадал...
Прочь, шоу-бизнес! Руками не трогают
раскаленный металл!
Будем жить. Доля отчая, общая,
а свобода – всегда своя.
Николай и Сергей... Песня Божья...
Что ж вы делаете, друзья?..

06.01.2013

ПЕТЕРБУРГ

Души и духа хирург,
стой, господин Петербург!
Пой, золотая цевница –
сердце в конце мизинца...

Тяжкие сфинксы и львы,
тяжкой романтики вес.
Сизое небо Невы,
синие волны небес...
Город роскошный, острожный,
похожий на сон...
Город, вполне невозможный,
город-трон!

Тыщами, тыщами жизнью оплачен
в воде и огне...
Тенью Петра обозначен –
фантом вдвойне.
Город, приравненный к хлебу
навсегда.
Город, припиленный к небу,
как звезда.

Цепи совести
тяжеле золота.
Город гордости.
Город голода.
Город, который знает
веру и честь.

Город, которого не бывает,
который есть!

Город имперской славы, -
бунта исток.
Здесь ли сошлись, - для какой забавы?—
Запад и Восток?
Город-компас — он ли проложит
путь кораблю?
Город, которого быть не может,
как я тебя люблю!

Души и духа хирург —
стой, Санкт-Петербург!
В царской крови багряница...
Сердце в конце мизинца...

06.01.2013

ВРЕМЯ

Время идет, пропадая частями,
нежно похрустывая моими костями,
пренебрегая моими гостями,
проговариваясь моими устами...
Время летит над близью и далью,
насмехаясь над моею печалью,
уравнявши Сибирь и Италию,
оборачиваясь пухом и сталью.
Время шлепает дикою уткой.
Время рыдает над моей шуткой –
дивным фламинго, нетопырью жуткой...
Время зовут зовуткой.
Время войне и время веселью.
Время стоит над моею постелью,
время воет седою метелью
над собственной колыбелью.
Время зовет неправду – ложью.
Время знает истину Божью,
но не откроет – по бездорожью
гонит нас к Божью подножью.

Шуба лисья, повадка рысья...
Время сметает людей, как листья.
Время меняет царей, как перчатки.
Время стирает свои отпечатки.
Но только – бессмертья мера –
время боится Гомера...

13.01.2013

ИНТРАВЕРТ

Не хочу ни мышам – кота, ни коням – кнута;
а душа – на неведомый срок
загорожена, заперта, замкнута
на амбарный замок...
Крепче сна, тяжелее золота, -
укроется наверняка
на дне колдовского омута –
ключ от моего замка.
Никому ни за что не узнается, -
в генном коде ли, в шепоте вен –
что творится, что затевается
внутри моих стен!
Я молчу – не шепчу и не крикну;
и никто никогда не поймет,
что я думаю, что я выкину –
через миг, через час, через год.
И какие свечи в ночи горят,
и какие речи в ночи твердят,
и какие зелья в печи варят –
не с цыганского ли барыша?
Ах не зря, не зря, не зря говорят:
потемки – душа!
Не хочу – топора кедрачу, добра палачу,
тишину перемолчу;
нить судьбы завитую перекручу,
тропку тихую протопчу.
И какую птицей за ветром гоняться
в поле и в степи?
И какая цепная реакция
сорвется с цепи?..

13.01.2013

МОЙ ХАОС

Ворчит непуганым зверем
земли неподъемная ось.
Мой омут чертями промерен,
мой хаос просчитан насквозь.

Осенняя проза рыжим
ковром под ногами хрустит.
Химера парит над Парижем.
Париж над тайгой парит.

И бисер в грязи искрится,
и Сирин поет – о чем?
Доспехи, мечи и лица,
и кровь – горячим ручьем.

Шепнет Прозерпина: «Смелее»,-
Орфею – сквозь алый дым.
(кости влюбленных на шее
светятся голубым).

Нами вальяжно играет
рок – будто черный кот.
Брильянтовой крошкой играет
в углах измерений – лед.

И трижды, в обход печатей
красный поет петух.
О, тяжесть древних заклятий,
о, памяти зыбкий пух!

Шепнет Прозерпина: «Крошка,
иди! Ты пока не моя!»
Смеясь и рыдая, гармошка
заманит в иные края.

Вот так бы – узорной бейкой
галактику – на кубы,
и школьной потертой линейкой
измерить масштаб судьбы...

19.01.2013

ПО ГОГОЛЮ

Куда ж так несешься, торопишься, Русь,
по краю?
Сибирскою выюгой клянусь –
не знаю...
А кто твой дуб по златому рубил
комлю?
Майской сиренью клянусь:
не помню.
Серебра не прошу, не молюсь
карману;
летней грозой клянусь:
не стану!
Тешатся пусть, предаются пусть
блуду...
Ветром осенним клянусь:
не буду.
В лесь бы не впасть, не перекласть
меду...
В чем я клялась, в чем зареклась
с ходу?
Русь моя, золотая ось
мира!
Лети вперед, греми на авось,
лира!

19.01.2013

Я ТАКАЯ

Что там было или не было меж нами –
и не так уж важно, честно говоря.
Ах, покуда занимаюсь я стихами –
за окошком занимается заря.
В серебристо-золотом морозном дыме –
солнца краешек... Ну да, на том стоим:
занимай народ безделками своими
и враньем презанимательным своим.
Рок-рулетка... Ах, потешки, кошки-мышки...
Ах, цветное сумасшедшее кино...
Занимай – не занимай у жизни фишки –
а когда-то проиграешь все равно!
Ну, что делать? Я такая – мне не неймется,
не хочу за счастьем в очередь стоять.
Пламя жаркое займется – не займется...
Я такая – не на это наплевать.
Любопытна, как сорока в поле белом;
безмятежна – будто верба у пруда;
и легка душой и телом, между делом –
Все безделками своими занята!
Облака приникли зорьке к изголовью:
алый цвет... жемчужно-белый... голубой...
Да... пусть ты не занимаешься любовью,
но она-то – занимается тобой...

22.01.2013

ТОМУ, КТО ОТРИЦАЕТ -ИЗМЫ

Ан нет! Не суди их строго!
Промерь, от страстей вдали,
святой паранойей Ван Гога –
взвешенный хаос Дали.

Старинного раб закала,
смотри: как в волшебном сне,
парящий скрипач Шагала,
парижский шарм Мане.

Да! Зрения не жалея,
попробуй на вкус, эстет,
мерцающий мрак Бердслея,
Матисса наивный свет.

Они – Европа, мы – Азия!
Прими – в их святой простоте
веселые безобразия,
творящиеся на холсте.

В раю, где волею Спаса
сверкающих красок хмель –
прекрасной мазней Пикассо
любуется Рафаэль...

22.01.2013

ВЫСОЦКИЙ

Я – Высоцкий.

Мой голос летит над моей страной, как ветер,
гремит, как весенний гром –
над бараками и окопами,
над хрущовками,
над погасшими домами,
над брошенными полями,
над колоколами
и куполами...

Я – Высоцкий.

Я соколом в небе парил,
куницей по древу взмывал,
волком рыскал по диким просторам,
и струны гитары моей
под твердыми пальцами
славу мою рокотали...
А век-волкодав
у ног моих лег,
уткнувшись в мои
щегольские ботинки.

Я – Высоцкий.

Я ломился сквозь время,
стены лбом прошибая.
Я шел
по волнам народной любви,
как Иисус по воде.

Я – Высоцкий.
Я – солдат,
и рабочий,
и зэк.
Я помножен на миллионы,
их силы вливались в меня.
Я пел –
и замыкалась волшебная цепь,
и бешеный свет
проникал в уголки странЫ, и души,
и истории,
неизмерим в амперах и вольтах;
наверное,
сила
прямо пропорциональна
сопротивлению.

Я – Высоцкий.
Я один был
против ржавой и лживой,
но такой здоровенной и злой
державной машины;
но она буксовала
и делалась маленькой,
как игрушечный танк,
под ногами моими крутятся,
потому что внутри механизма
сидели люди,
а люди любили
и любят меня.

И пусть кто-то висел, как репей,
вцепившись
в мои обшлага и штанины –
я шел,
и каждый мой шаг
был шагом к свободе и правде.

Я – Высоцкий.
Я один был.
Я был не один,
ведь народного стона и смеха тона
в моем горле луженом
звучали;
и никто ничего со мной сделать не смог.
И только я сам
смог убить себя.
Впрочем, неважно.

Я – Высоцкий.
Мне смерть – не указ.
Я неуправляем.
Я сделал, что мог,
за сорок два с половиною года.
Я кровью живою жил,
(как сказал когда-то
мой несыгранный Пугачев
устаами «поэта поэтов»).

Я – Высоцкий.
Я не был святым,
но в любом доме

я смотрел со стены,
как Никола или Георгий,
и великий язык
в моих венах кипел,
а не морфий.

Я – Владимир.
Я миром владел и войной.
Я правил этой страной.
Я – самодержец душ.
Отдыхайте,
кремлевские тени!

Я – Высоцкий.
Прошедшее время – не для меня.
Я не жил, а живу,
я не шел, а иду,
я не БЫл, а буду –
покуда «в подлунном мире»
будет хоть кто-то
с живою душой,
пока хоть один человек
будет знать,
что такое
бессмертье.

27.01.2013

ПРИЗРАКИ НОЧИ

Призрак печали, уйми голоса,
призрак зари не гони в небеса!
Что там колышется в свете луны?
Призраки памяти? Страха? Вины?

Темный вопрос за окном – помолчи! –
призраком ворона взвился в ночи.
Что замышляешь, мятежная мгла?
Призрак метели расправил крыла.

Тает, витает безмолвная речь:
призраки замков, признаний и встреч;
в отсветах призрачных чудных очей –
призраки лат и двуручных мечей...

Призрак обмана, расфранчен и лих...
Призрак разлуки, невзрачен и тих...
Ловит сосенка – заснеженный ствол –
призраки звезд в изумрудный подол.

Призраки снов, проходя наискось,
стены и крышу пронзают насквозь.
Не принимая страстей и обид,
призрак забвенья фольгою хрустит.

Тяжек Шекспира истрепанный том.
Нежен любви полустертый фантом.

03.02.2013

СМОКТУНОВСКИЙ

Голос – подобье прибойного рокота,
вешнего грома, слепого дождя –
с тихого вопля до громкого шепота
неуловимо переходя;
соединяя века и мгновения,
перерезая пространства и сны, –
правит, царит – средоточие гения
нашей великой, бездомной страны...
Гамлет норильский... О, как бы согреть его,
как бы решить этот праведный спор:
кровью дымится окоп сорок третьего,
хмурой громадой висит Эльсинор...
Что за судьба – лицедействуя досыта,
бездну за бездной отправить в расход...
Ах – только шаг от Сальери до Моцарта,
и соответственно – наоборот!
С этой актерскою службою-кумушкой
репертуар называют судьбой.
Как это - быть то Христом, то Иудушкой,
В гриме и без – оставаясь собой...
Витязь добра... Как – с улыбкою детскою,
будто бы придурковатой слегка,
перемежал он печаль Достоевскую
с бешеным темпом стального клинка?
О Мельпомена! Яви-ка усердие,
в вечный реестр записать не забудь
высь – и геенну – и смерть – и бессмертие –
и лицедейства невинную суть...

05.02.2013

СБЫЛОСЬ

А ты посмотри, подивись, постой:
и впрямь – сумасшедшей, милой,
сквозной, шепотной, буйной весной
наливаются реки силой.
Не все ведь дожили до этой поры,
а мы – дождались ненароком...
Смешные, крохотные миры,
наливаются почки соком;
И брызжет зелень в шальной рассвет
прозрачным, душистым флером;
и лунный диск в парчу одет –
сиятельным кавалером;
птиц затейливый разговор,
и ласковой сини крепкий раствор,
и юной травы шелкОвый ковер,
и вешних цветов узор...
Вот это – силища! Пьянит без вина
раздолье тепла и света!
Она для людей – Божья весна,
для пахаря и поэта...

Как долгой зимою к ней сердце рвалось!
Все это мечталось
и это сбылось...

06.02.2013

ПТИЦА РАЙСКАЯ

Кажется – чудится – видится – мнится –
мстится – мерещится:
в небе рассветном райская птица
зыбится, плещется...
Вся в золотом и воздушно-жемчужном,
дивно прозрачном...
Все, что казалось полезным и нужным,
станет пустячным...
Вся в серебристо-сиренево-млечном, -
сном мимолетным;
Все, что казалось надежным и вечным
станет бесплотным;
песнею стонет, пенится кубком,
тянется сказом;
все, что казалось тусклым и хрупким,
блещет алмазом!
Древняя мощь золотого светила
мир обнимает.
Дивная птица, что сердце смутила,
в воздухе тает.
Образ нездешний. Морок тревожный.
Бредни-поверья...
Тучкой жемчужной, мечтой невозможной –
райские перья...

07.02.2013

НА БУДУЩЕЕ

Меж поэтов – то давно раструблено! –
счета были всякие и разные.
Пушкина Некрасов недолюбливал,
а Михайлов Фета передразнивал.
Что скрывать уж... нрава были вздорного
многие; характером неласковы.
Грустное ехидство Саши Черного
кой-кому подпортило гримасы.
Всем не удалось достичь беспалево
как его, бишь... в общем, апогея...
А Сергей Владимира подкалывал,
а Владимир изводил Сергея...
Пусть уж их (а Муза-то не сглазила!) –
взять, друг дружке надавать по вые...

Лишь бы власть народная не влазила
в их разборки внутрицеховые...
В душу наплевать не норовила бы,
о петле – на слове не ловила бы,
в черновик из-за плеча не зырила
и гроша последнего не тырила!
Их с земли любимой не сгоняла бы,
в суд бы не тащила вереницами;
свиньями в миру не обзывала бы,
поэтесс на всю страну – блудницами;
лозунгами укрепясь бесстыжими,
сальными ладошками не хлопала б;
сапогами вохровскими рыжими
по листам рассыпанным не топала б;

к смертной не пихала бы траншее,
в спину уперев стволы убогие...

Было так.
И было похужее.
Это ж, не дай Бог –
футурология.

14.02.2013

ВСЕ НАЙДЕТСЯ

Пусть загадка с ответом не сходится –
все найдется у нас на Руси!
Есть живая водица – как водится,
есть и мертвая – только спроси...

Ты не ссорься с судьбой-хулиганкою,
на распутицу не ворчи;
и утешат тебя самобранкою,
и уснешь на узорной печи!

Есть дворцы колдовские, бездомные,
колокольчик в раскате дуги;
на просторы-заторы огромные –
семимильные сапоги;

есть цыганское счастье гулящее,
ветром бьющее сквозь века;
есть мечи-кладенцы завалиющие
и хрустальные облака.

И ракита у скита колышется,
и звенит сумасшедший авось!
И смешки-то русалочки слышатся,
и любовь-то – с надеждою врозь...

Черным-черные взвились вороны.
Крик сорочий и стон журавля.
Ох, напрасно, крестясь во все стороны,
неразменного алчешь рубля!

Тройку выведу шалую – жалую!
Пролетим все заставы – посты...
Светят истиной запоздалою
с куполов золотые кресты.

С этой русской упрямой породой
знай – упьемся, в немереный срок –
вороватою волчьей свободой
снов острожных – и дальних дорог...

14.02.2013

СОЛДАТЫ ВЕСНЫ

Эта правда не спит, эта память живет,
в наших генах и венах гудит, не стихая;
тормошит и зовет человеческий род –
ледяная, свинцовая, пороховая...

Эта правда окопов – со смертью «на ты» -
по воронкам пройдя, по обугленным травам, -
светит, неумолимая, - как сквозь бинты,
проступает сквозь время в величье кровавом,

помнит каждую кровью политую пядь
обожженной земли.

В тех боях и утратах –
что, казалось бы, что мы сумеем понять –
дети мира, рожденные в шестидесятых?

Что мы помним? Что видели? Кем суждено,
чтобы в душу врезалось, болело, как рана:
черно-белые кадры в военном кино...
Бьется весть в репродукторах – речь Левитана...

Сколько сказано, снято, пропето о том,
и – придумано – рыцари... люди из стали...
Но я знаю одно – просто люди, живьем,
вот такие, как мы – у орудий стояли,

шли в огонь и студеную воду Днепра,
краснозвездные танки вели сквозь раскаты,
и сбивали проклятые «мессера»
и сжимали тяжелые автоматы...

Просто – люди. Но сделали все, что смогли,
и – чего не могли – на пределе отваги
те, кто страшной дорогою честно дошли
до конца, до весны, до Берлина и Праги.

Эта память жива – чтобы знать навсегда
и своим, и врагам – из какого мы теста.
Эта правда живет, не считая года –
правда Ржева, Москвы, Сталинграда и Бреста.

Боль и славу сработанной кровью войны
все жесточе с годами приемлет Отчизна...
Для меня эти люди – солдаты весны,
и живые и павшие, «ныне и присно».

Эта правда шинелей на черном снегу –
наш экзамен на звание Человека.

...Эта память жива – я поклясться могу
сорок пятой весной двадцатого века.

17.02.2013

АМФИБРАХИЙ ФЕВРАЛЯ

Зима напоследок чудит, бедокура.
К утру истончается влажная мгла.
То плачет, то пляшет февральская буря,
над белой зарей расправляя крыла;
сдержать не умеет надрывного вздоха,
царит над унынием стылого дня,
печальною пляской, слезой скомороха,
притворным забвением тешит меня.
Как жить?
Подскажи, колдовское раздолье!
Как петь?
Намекни, белопенная взвесь!
Сивилла-зима, научи меня воле,
не в том измерении, не где-то, а здесь...
Прельщай бесконечной, холодной нирваной,
всполошенный воздух со снегом мешай!
Разнузданным ритмом, мелодией рваной
веди в никуда, торопись, поспешай!
Шаманка, шамань... Разбитная, шальная,
куражься, кружись, заматай межи;
изорванный бубен над миром вздымая,
колючую истину наворожи...

21.02.2013

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ ЛЕРМОНТОВА

Выхожу я одна... на крыльцо - и стою.
Снежный отблеск в ночи... Я о прошлом гадаю;
тишину-литу я в лицо признаю,
к нежно-дымчатым звездам глаза поднимаю.
Ну, о чем призадумалась, лунная высь?
О серьезном, о правильном, дивном и вечном?
Между звезд показались и вдаль понеслись
огоньки караваном немереным Млечным.
И подумалось – вдруг это правда, и вот –
над сибирским селом, на посадку нацелясь,
многотонный, огромный, парит звездолет,
у приборов застыл большеглазый пришелец;
видит в мощную оптику реку, тайгу,
бедный дом мой и дым над трубой кудреватый;
и меня, и вальяжного пса на снегу,
и равнину под белой шубой богатой...
Рыжий пес заворчал. Старина, не ворчи,
на смешные фантазии выбрана квота.
И уже унеслись, растворились в ночи,
не видны бортовые огни самолета.

Всем нам поровну розданы свет и покой,
и свобода, и сила – под Божьею дланью...
Спать пора. Я качаю слегка головой
и в тепло ухожу, подмигнув мирозданию...

23.02.2013

МОЙ ЗАМОК

Ты прав, должно быть. Дикие законы
сих диких игр – не тешат кровь мою.
Незримые щиты и бастионы
вокруг себя – я спешно создаю.

И строфы-кирпичи ложатся рядом,
раствором рифмы прочно скреплены.
Стена растет под неотступным взглядом
обманчивой, тяжелой тишины.

Черновиков колышутся страницы,
как флаги. Башни медленно встают.
И шурятся тревожные бойницы,
обороняя призрачный уют.

С зубчатых стен глядят единороги,
смола кипит, варится на огне.
И рвы нарыты. И мои чертоги
к осаде приготовлены вполне.

А... полно! Ну кого, кого обманет
мой робкий блеф, осадок злых обид?
И защищаться – пусть пора настанет –
жестокий мир меня не убедит.

Он победит, как только пожелает!
Чужие алебарды поутру
заблещут. Никого не испугает
игрушечный мой замок на ветру!

И сбережет ли от мечей двуручных
старинной арфы золотая трель?
Ведь я не латник, не пушкарь, не лучник,
я – просто неуклюжий менестрель!

И мне не страшно, что бреду по краю,
что хрупкой Музы трачу торжество,
что на виду у жизни обитаю
в прозрачных стенах замка моего.

24.02.2013

МОИ ХУДОЖЕСТВА

Дорогие, но бесплатные,
светят с дивной высоты –
все художества невнятные,
непонятные цветы...

За рекой русалки тешатся;
напоследок, горячи,
янтарем и медом плещутся
предзакатные лучи.

Ночь прошла – и все; пропала я:
Улыбается, паря,
чуть белесая, но алая,
невесомая заря.

Пропадаю не напрасно я,
и недаром мне дана
чуть ленивая, но ясная
бирюзовая весна!

И зовет меня, манерная,
в поднебесные края
чуть мятежная, но верная
Муза светлая моя.

Я ни с кем тебя не спутаю;
золотая, погадай!
За сонату – не валютою –
ветром солнечным воздай!

И пока я время выкрою –
нитку тонкую пряди;
за палитру – не поллитрою –
тишиною награди!

Тишиной узорно-матовой
занавешено окно.
Нитку пеструю наматывай
на судьбу-веретено.

Лето грянет самоволкою,
и зальется соловей
над моей душой-светелкою,
над загадкою моей...

24.02.2013

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ

«Наши павише – как часовые...»

И пой, и пей! Мечту-обманку
руками жадными лови!
Аллегро-скерцо-форте-пьянку
устрой из жизни и любви!
Ведомый кровию кипящей
в бой, – цель за целью влет сбивай,
и жизнь свою в манере вящей,
как шут шутиху – поджигай!
Будь дикарем и сумасбродом,
над краем бездны – до конца...
Бери красавиц мимоходом
и рви их нежные сердца...

Держи удар! (Ты крыл не сложишь...)
Наотмашь бей. Играй захлеб.
Ты по-другому и не сможешь,
чем всем ветрам подставить лоб.
И только так! Советы – втуне.
Благополучью – не бывать;
и клинья не подбить к фортуне,
судьбе соломку не постлать...
Ни в чох, ни в сон, ни в грай сорочий
не верь. Не бойся, не проси.
Тюрьмы, суммы и доли прочей
от века ждали на Руси...

Волшебный дар, души отдачу,
бросать горстями – твой закон;

и ни во что не ставь удачу,
и все, что хочешь, ставь на кон.
Ни сладкой лжи, ни грубой лести
не доверяйся ни на грош.
Ведь ты лишь дружества и чести
святое иго – признаешь.
Будь безмятежен и мятежен,
неуправляем и раним;
упрям, и прям, и Богу грешен
(мы все в ответе перед Ним...)

И самых верных, самых лучших
бери в супруги и друзья;
но – одинока – сколь ни мучь их –
дорога дальняя твоя.
Служи гитарою и лирой
стихам – заветному труду.
Слыви бретером и задирой,
но – не иди на поводу.
Всыпай властям под брюхо перцу!
Да, суетятся – что с того?
Дерзи на ухо самодержцу,
пусть бздит – тем хуже для него...

Пусть власть вспопашится, скумекав,
кто ты такой – неровен час.
От волчьих серых человеков
сбегай в Париж и на Кавказ
и на Парнас... Любовь, свободу, -
все, что от жизни наберет
такой, как ты – отдаст народу
в утеху – на века вперед.

Будь сам собой – неудержимым,
неисправимым в беге лет.

...Что там маячит? Шприц с морфином?
Петля? Дуэльный пистолет?
Плюя на ложь и ропот низкий,
будь верен бешеной судьбе.
Пусть станет Дон Жуан Кастильский
бедовым зеркалом тебе.
Жизнь по секундам истекает
и ткет последний свой узор.
Пусть на пороге нависает,
набычась, Черный Командор!
Пусть над испуганною донной
искрит и плавится свеча...
Из лапы адской, раскаленной,
ты вырвешь руку, хохоча!

...Но в рай тебя без справки примут.
Ведь Бог к поэтам не ревнив.
И сраму мертвые не имут,
На вечный пост свой заступив.

03.03.2013

ЛЕЙЛА И МЕДЖНУН

Ее увидел ты, и время
остановило вечный бег.
Близ стен твоих чужое племя
остановилось на ночлег.
Тебя неведомая сила
настигла у ее шатра,
и тонкий лик ее не скрыла
от жадных глаз твоих чадра.

Ее глаза на мир без страха
глядели – черные лучи,
и стан ее свечой Аллаха,
закутан в шелк, белел в ночи.
Но в Йемен караван гудящий
наутро увозил ее;
она ж стрелой прошла звенящей
сквозь сердце жаркое твое...

О! как в клочок небесной сини
влюблен кандальник, скорби сын;
как ледяной воды в пустыне
бесплодной – жаждет бедуин, -
так полюбил ты, - в слове страстном
излив любви живую суть;
и наваждением прекрасным
твой бранный осветился путь...

Но – разрушитель наслаждений,
рок распростер свои крыла.

Вас для рыданий и мучений
судьба жестоко развела...
Зачем сердцам влюбленным, юным
быть врозь, природе вопреки?

...Чтоб ты в веках прослыл Меджнуном –
безумцем, рыцарем тоски,
скитальцем, чья навек запретна
мечта; в пустыне, на краю
чужих миров, зовущим тщетно
лишь смерть – и милую свою...
Чтоб светлый стих, влюбленных радость,
в миллионах уст остался жив,
тоску полынную, и сладость,
и нежный зов соединив...
Чтоб Слово – мощью бесконечной
пленило нас. (Ведь жизнь – лишь миг...)
Так пожелал Аллах Предвечный,
а Он – воистину велик.

06.03.2013

ЯЗЫЧНИКИ

За должностями, чинами, бумагами
под транспарантами, флагами, стягами
мы продолжаем быть магами,
как тысячи лет назад;
вечно за солнцем мы гонимся,
под снегопадами мы клонимся,
птицам и радугам мы молимся,
и ветер – нам брат!

О чем-то толкуют рябина с калиной,
плачет метель зимою длинной,
и журавли летят над равниной,
нам посылая сны...
Дождь нам ворожит, гадает сирень нам,
травы, шепча, припадают к коленям,
кровь молодая гуляет по венам,
согласно уставу весны.

Кони несутся степною сторонкою,
речка лепечет песенку звонкую,
пляшет огонь за печною заслонкою,
жизнь длинна.
А если воюем – в траншеях рваных
не о знаменах, взрывах и ранах –
о соловьях, облаках и туманах
поет война...

О, мы язычники, чужь и древляне мы –
с нашими знаниями и желаньями,

всеми любовями и страданиями,
звезды – нам семья.
Наши Нотр-Дамы, вожди и светочи,
страшные жертвы и милые мелочи,
фокусы, выверты, тайны и немочи –
лишь атомы бытия...

Как мы по жизни своей не гуляли бы,
как бы не ныли вечные жалобы,
как бы не строили грешные алиби, -
вечность не видит слез.
Что ж торговаться с судьбою-анчуткою?
дай только, Боже, с последней минуткою –
чтобы, как в детстве, луг с незабудкою
в бликах серебряных рос...

09.03.2013

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Давайте забудем, что сказал поэт,
мол, изреченная мысль есть ложь;
предсказать будущее на тысячу лет
легко – как к обеду дождь!
Ах, многие судьбы будут горьки, -
ведь рай на земле – миф,
потому что мы будем нарушать вперегонки
кантов императив.

Одни будут Библию, другие - Коран
вертеть в ошалелых умах;
и возможно, еще один усастый тиран
навяжет свой страх.
И будем по нитке над бездной скользить
и высчитывать полураспад;
деревя рубить, и путь сверлить
в заплесневелый ад.

И явится Кришна в который раз,
или как там его – атас!
И прочие пророки, по одному в час,
будут шляться среди нас.
И разверзнется небо, и ангелы в ряд
чего-то там вострубят;
но это зрелище – лишь одному
откроется, прочим – навряд.

И будут женщины рожать детей
(мужикам не под силу сей труд).

И любовь не угаснет, тыща чертей!
И еще один Нотр-Дам возведут!
И сумасшедшие художники писать мадонн
не устанут в синей тиши;
а философы – искать всеобщий закон –
хоть кол им на голове теши!

И одни будут цвести и пить мед,
а другие – уходить, устав.
Но выживет, братья, человеческий род,
смертию смерть поправ!
И пусть сатана закричит: «Даешь!»
Мы крикнем: «Врешь, не возьмешь!»
Если мысль изреченная есть ложь,
это ложь получается тож.
Я правду говорю: не кончится свет,
а время продолжит бег.

Предсказать будущее на тысячу лет
легко... как зимою снег...

11.03.2013

ОДНА ВОСЬМАЯ

Зеленые глаза, русый волос мой –
от русских рек;
от крови шорской, одной восьмой –
лишь скул разбег...
И там, где окутал моих праотцов
веков туман, -
среди охотников и кузнецов
был шаман.

Он был смугл, молчалив и строг,
грива, как смоль;
он заговаривать раны мог
и снимал боль;
он заколдовывал зверя в тайге,
облака разводил рукой;
травы сушил и на очаге
варил целебный настой.

А когда племя собиралось на зов
осенний – он надевал
пестрый наряд из лоскутков
и бубен заветный брал;
заячьей лапой он в бубен бил,
духами любим,
и плясал у костра, и пел, и пил,
а духи плясали с ним.

Камлал, и счастья просил он
младенцам и старикам,

людям всех стойбищ и всех племен,
охотникам и рыбакам;
сытые дни он в чумы звал,
здоровье, мир и покой;
и духи предков, ручьев и скал
витали над толпой;
и метались тени, и сними на «ты»
он у жаркого был огня;
и тихо сидела, раскрыв рты,
скуластая ребятня...

Мне не дан судьбою шаманий лад;
мне другое дано:
я рифмую слова и их в ряд
выстраиваю заодно;
я пишу и прошу хороших снов
младенцам и старикам,
людям всех стойбищ и всех краев,
пахарям и кузнецам;
всем, кто живет на планете моей
и трудится без затей -
здоровья, и мира, и сытых дней,
спокойных ночей...

А шаманская кровь стучит в виски
и волнуется, горяча;
и мой предок глядит в черновики
из-за моего плеча...

11.03.2013

КОНИ ВРЕМЕНИ

Над миром паря,
мчат во всю мочь
буланая заря,
вороная ночь.
Мотив – старый,
звон под дугой
весны чубарой,
осени гнедой...
Вишневые шали –
расстели...
Игреновые дали
играют вдали.
Не собьюсь с тона я –
не дает соврать
конная, бессонная,
колдовская рать!
Свищет разбойно
время-седок.
Больно – не больно –
кнут ожег.
Калина красная...
Иго слов...
Пыль алмазная
от подков.
Дань нежная –
сладкий мыт.
Шуга снежная
из-под копыт.
Светлая немочь –
петь о любви...
Александр Сергеич,
благослови...

12.03.2013

ЗИМНЯЯ ФАНТАЗИЯ

...И однажды земля
замерла между делом,
безмятежно пыля
вьюжным подолом белым.
Безнадежно сопя,
залегли на диваны
черти, гении,
умники и хитрованы,
и невежды с невежами
вежды смежили,
и по снежной меже
кружева закружили.
Кружева тишины
завесили двери,
невозможные сны
и смешные потери.
А одежда пошита
из нежного хлама:
кисеи, аксамита
и мадополама.
И в медвежьих звездах
затужат планиды
и застуженный воздух
вдохнут аониды.
И надежды в ночи
сторожатся – что нУжды?
Все, как прежде – мечи
и ножи харалужны.
И зажгутся мосты,
провисая беспечно.
спой про это и ты –
если можешь, конечно...

12.03.2013

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Вот мы и узнаем, кто Бог, кто герой!
Благая весть –
четырёхкратный трехдольник второй
мерцает днесь.

Среди прочих заколдованных трав,
хмельной злак –
неуклюже прекрасный, как жираф,
Пастернак.

В шаманский бубен урямо бия
тут и там,
жертвенный агнец, светлый судья –
Мандельштам.

Грозное бремя легких оков,
мед и лед.
Неукротимая музыка строф
бьет влет.

Рваные ритмы, рифмы внахлест,
времени свист.
Неумолимая музыка звезд –
чистый лист...

14.03.2013

НЕРАЗБЕРИХА

Все здесь по правилам – и норов,
и гонор, и сердечный стук.
Здесь леди выбирают лордов,
служанки выбирают слуг;
а кузнецы железо плавят,
портные ладят лоскуты;
а короли страну правят
и шутят шуточки шуты.
Лишь сам себе ты шлешь свой вызов;
что невозможно – то нельзя.
И жизнь катится без сюрпризов,
по рельсам времени скользя...

Вдруг – полсекунды! – и собьется
сей незамысловатый код!
И Хронос взбесится, свихнется,
границы ветхие сотрет;
и глядь – уж вихрятся бумажки,
привычный рушится уют;
и правят беглые монашки,
шуты законы издают.
Кухарки в сейме заседают,
кичливо тренами шурша,
портные небо подшивают,
банкиры пляшут антраша.

Вот вспять бежит, вздыхая, речка,
святоша церковку громит.
Вот пятью пять выходит свечка,
тарелкой сбит метеорит!

Титаны мечутся, как мыши,
незамечаемы никем.
А некий бард кропает вирши
вне всех законов и систем.
Книжонку Мартина Задеки
листают Фрейд, ворча, в пыли.
Принцесс находят дровосеки
девчонок нищих – короли.

Что ж, бард – твоя, похоже, треба –
и служба – оборвавши нить,
портным подрубленное небо,
пыхтя, на место затащить;
латать надрубленные души
и греть их, наломавши дров;
и электронные беруши
срывать с нетронутых умов;
и вновь в растоптанные лики
вдыхать сиянье красоты;
искать проклятые улики
и трогать гнойные бинты;
сверять со звездами и снами
свой грешный, свой мятежный путь...

А леди, пусть их – с дикарями!
Ей-Богу, граждане – не суть!

14.03.2013

ПОПЫТКА ВЫРАЖАТЬСЯ СОВРЕМЕННО

Существуй, пребывай, живи –
автономен режим любви.
Раскрывай у ночной черты
сумасшедший пин-код мечты.
Разбазарь закрома вины
под контролем сестры-весны.
Причитай, пререкайся, пой
одиночкой и с толпой.
Лишь созвездья и сны сочти
навигаторами пути.
Чуть колышется – посмотри! –
нежно-алый прикид зари.
Под святой чередой веков -
светлый менеджмент облаков.
Пусть в раскладе смурных сим-карт
сторожится суровый март!
С берегов временной реки
пей авитаминоз тоски.
Разглядишь ли печать волшбы
в колдовском резюме судьбы?
В тихом омуте милых глаз,
в вечном рейтинге лунных фаз,
в креативе весенних чар –
красоты золотой пиар?
Ах, трезвон, перезвон, дозвон...
Жизни ветреный унисон...

18.03.2013

КАЛАМ

Строчит калам небесный - истина,
выводит строчки тонкой вязи.
А, поздно! Все... Строфа написана:
«Падоша Игоревы стяжи».
Горит звездой незакатною
в веках тревожное величье.
Какой минутой невозвратною
Дант повстречался с Беатриче?
Войны слагается ли повесть
среди кровавого потопа?
Вот пуля-дура изготовилась:
рванулся Теркин из окопа.
В Эдем ли, в Тартар нам зачислиться,
шагнуть ли, как в картину Босхову?
А фатум в фабулу протиснется...
Джон Донн уснул...
Не спится Бродскому...
Кто пишет там, кто – здесь?
Измерено
все;
все исчислено и взято.
И высшей пробою заверено,
в небесном видео заснято.
Поэтов – между людьми –
Бог-Слово признает коллегами –
навечно, или мимолетно...
В лицо... Повзводно. И поротно.
20.03.2013

ПОПЫТКА ПОДРАЖАТЬ ПУШКИНУ

...И ветер вдруг затих. Луна окном зажата.
Работается стих, как трюк у акробата.
Натоплена изба. Трещит, вздыхая, печка;
и взнуздана судьба... да ветхая уздечка.
Ломается строфа песочной печенюшкой;
(а сажу кружева колышутся за вьюшкой...)
А рифма-сатана увертлива, как змейка,
и мысль неверна (а кружечку налей-ка!)
Подвернута стопа. Истерта полумаска.
Как старая изба, поскрипывает связка.
Но сальто - это да! Лихая амплитуда –
с приходом в никуда, с излетом ниоткуда!
Истрачены давно Господние подарки.
Жужжит веретено предательницы-Парки.

... И вновь ревет пурга, окошко засыпая,
и сыплет жемчуга гармония слепая.
Серебряной вожжей нахлестывает мера.
Над вечною межой – сирена ли, химера?
Искрит, шипит заряд волшебного калибра -
неровно дышит ряд нестопного верлибра.
Всё мимо, мимо – влет!
О, преклони колена!
(А мима тихо ждет бессонная арена...)
То ль ворон на сосне...
То ль пуля просвистела...
Простите, Пушкин, мне. Я, право, не хотела.

22. 03.2013

ПОЖИТКИ

Звезды, радуги, вербы, ручьи,
ландыши, ангелы и соловьи;
тени и проблески, волчьи следы,
времени оттиски, руны-лады,
кони и лешие, луны и льны,
шорохи вешние, грешные сны,
ветры летучие, огоньки,
прочее сущее - злу вопреки;
жизни пожитки, утварь творца,
ветхие свитки, даль без конца...
Это ж мое, все мое, без изъятья,
до Судного дня -
вечная встречная шатия- братия,
Божья родня...

24.03.2013

БЕСТОЛКОВАЯ ПРИТЧА

Однажды сошлись у таверны
бунтарь, барабанщик и шут,
решивши за кружкою эля
устроить Создателю суд.
«Все плохо, - вещал барабанщик, -
даешь баррикады, как встарь!»
И в грудь свою – по лбу Геваре –
стучал захмелевший бунтарь.
О многом они говорили
(а шут, улыбаясь, молчал).
Тирады и колкие фразы
летели в прокуренный зал.
«Нигде справедливости нету,
есть только надежда да эль.
Бессмертье? Увы, с того свету
никто не вернулся досель...»
«Все женщины – лживые стервы,» -
шептали они со слезой,
и залитый элем Гевара
согласно кивал головой.
Вот вышли они из таверны,
качаясь, напорившись всласть.
Под мутными волнами смога
качались и звезды, смеясь.
А кто ж они были по жизни?
Отвечу я, только спроси!
Бунтарь программистом работал,
а шут шоферил на такси.

Прически ваял барабанщик,
как это ни странно, друзья...
Да, их простодушным затеям,
признаться, завидую я.
Когда это было примерно?
Не выдам я точный ответ.
Старинная эта таверна –
была в самом деле иль нет?
Науке сие неизвестно –
ни город, ни власть, ни страна.

А жизнь хороша, если честно,
хоть право, не слишком длинна.

26.03.2013

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Все исчезнем, растворимся, сгинем,
все... но – жизни ветреной живею –
там, на синем, нестерпимо синем –
кружево березовых ветвей;
вязью паутинною, сквозною
эти ветви чествуют весну,
светятся бесценною казною
в сонном, сонном мартовском плену...
Солнце боязливо вдоль тропинки
вечной – порывается гулять,
тонкие взъерошенные льдинки
в старом санном следе оплавлять;
пухлые осаживать сугробы;
втихомолку набирая прыть,
белый подол зимней бальной робы
дырами проталин коротить.
Пусть... и ветер зол, и лед несносен...
Освящает здешние края
злая красота холодных весен,
хрупкая причинность бытия.

Мощь Творца... Вернее, чище, кротче,
краше и суровой – нет ее.
Да святится имя Твое, Отче,
да придет царствие Твое.

29.03.2013

О ЧЕМ ПОЮТ

Ветром беспечным
взят след.
Закат поет о вечном,
о бренном – рассвет.
Времен метаморфозы
тихо расцвели,
как белые розы
из черной земли,
как светлые пери
из мрачных туч,
как добрые звери
со страшных круч;
как истина благая
из уст зла,
как отблеск рая
из адского котла...
О том, как святится
и светится дух,
лопочут Сирин-птица
и птица Рух.
Анчуткою запечным
ворочается лад,
лес шумит о вечном,
о бренном – сад.

29.03.2013

КИКИМОРА

Над болотом вздулася
тина, парЯ;
Кикимора проснулася
ни свет ни заря.
Задумала, злющая,
злые дела;
месяц ясный сплющила,
тоски навела.
Кряхтя, залезла
на кочку с бородой,
солнышко завесила
хмарью седой.

Трав дурных, рвотных
взяла на испуг,
бесенят болотных
выгнала в луг —
чертову харчевню
мороком мутить,
светлую деревню
ложью мутить,
мужикам — спиваться,
бабам — блуд,
забыть про святцы,
про Божий суд!

Только зря шастала
Кикимора-змея!
Пришла Весна Красная
в наши края.

Хмарь разметала –
сияйте, купола!
Совесьть отчитала,
веру подняла.
Силу злобную –
под монастырь!
Кикимора лопнула,
как пузырь.
А неча соваться
в честный дом!
А неча ругаться
над святым крестом!

Русь моя святая,
трон золотой;
не уходи, родная,
погоди, постой!
Морок смердящий
разведи, развей,
дорогой настоящей
иди своей!
Русь моя ладная,
золотая весь...
Сияй, благодатная,
ныне и днесь...

30.03.2013

МАНАСЧИ

О, странная природа человека!
И труд, и бой... Комузы и мечи...
В домах киргизов слушали от века
сказителей народных – манасчи.

О, дух легенды, древней и наивной!
Близ очага, у отчего огня
Манас неустрашимый, батыр дивный
седлает богатырского коня...

История... Как в сумраке сознания
века и страны путает она,
Пути племен и рас... темны преданья,
времен непостижима пелена!

Но – к путнику, торговцу и герою
В богатый двор и в юрту пастуха
во сне Манас являлся, чтоб с собою
вести в страну волшебную стиха.

Он душу вынимал – как меч из ножен!
Вновь избранный, не ведая о том,
вдруг, силой несказанною подброшен,
вставал в ночи в смятении святом!

И – пел Манаса! И гремели дали,
цвела сказаний древних красота.
О, чудный миг! Нежданно изрекали
стих за стихом смятенные уста!

В миллионах строк – походы и сраженья,
и звуки гор, и ширь родных степей,
и зов земли, и жизни продолжение,
и горя стон, и радость мирных дней;

и женская краса, и крик ребенка,
и дружбы благородная стезя,
и табунов стремительная гонка –
что позабыть, чем жертвовать нельзя!

Как в строках тех звучит народный гений,
согретый восхищенной молвой –
свет и опора многих поколений
в счастливый час – и в темный, роковой...

Как время мчит! Но снова раздаётся
знакомый грохот призрачных подков...
И памяти великой не коснется
смертельное дыхание веков...

И древний дух меж нас незримо бродит,
взыскуя правдой человеческий род.
История в поэзию уходит.
Поэзия в историю ведет...

30.03.2013

ПОЛНОЛУНИЕ

*О, не клянись луною,
в месяц раз меняющейся –
это путь к изменам...*

Шекспир

О волшебная ночь полнолуны,
не жалею колдовского огня!
Тишина – полынья и певунья –
в одиночество манит меня;
но печать на уста не наложит,
но печаль дочиста не сотрет...
Пусть утешит меня, если сможет,
пусть творит, пусть творит отворот.

...Я тебя не ищу, не ревную,
а встречаю – в глаза не смотрю;
провожай до крылечка другую
и встречай с ней, обманщик, зарю...
Я забыла тебя, я-то знаю!
Я не помню тебя, не кляню;
на тебя, короля, не гадаю
и вину не вменяю в вину.

Верной нету любви под луною.
все неверно, случайно, грешно.
Занавеской цветной, кружевную
ввечеру занавешу окно.
Я не плачу, не жду, не жалею,
не зову, не боюсь, не прошу.

Не грущу по тебе, дуралею,
крепко сплю я и ровно дышу.
Вот, живу, не стыдись и не каюсь.
Ночь прохладная. Кровь горяча.
Переулком пройду, усмехаясь,
твоего не коснувшись плеча...

31.03.2013

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

О, где б был рай, когда б не ты...
Топчи, гуляй, круши,
взорви последние мосты,
о, хмель моей души.

Истрать под дождичком в четверг
последние гроши.
Зажги прощальный фейерверк,
о, свет моей души!

Монет фальшивых легкий рой
чекань в ночной тиши,
реформы дикие устрой,
о, царь моей души.

Свою холопку пожалей...
Жалея, накроши
заплесневелых сухарей,
о, хлеб моей души.

Любви последний хрупкий жар
старательно туши,
спеши, разбойник Кудеяр,
о, грех моей души.

Шутом, расстригой, догола
раздевшись, попляши;
и в пыль разбей колокола,
о, храм моей души!

Иди ж на приступ, не робей,
берданку сгоноши,
да лоб упрямый не разбей
о щит моей души...

Давай, прицелься! Без стыда
о светлом побреши.
и отправляйся – в никуда,
о, хлам моей души...

05.04.2013

ВЕНЕЦ БЕЗБРАЧИЯ

Мною страсть неземная не встречена,
Что ж теперь?
Видно, доля не та.
В этих глупостях я не замечена,
пустяками я не занята.
И не вижу подобной задачи я:
штамп, колечки ли, ЗАГС, аналой...
Нехмельное винцо безбрачия
мне играет живою водой.
Только – стоп! – не жалей меня, грешную;
парни – вон, вдоль тропы аккурат
что осенней порю, что вешнею,
если что - штабелями лежат!
Для души ли, для тела – я выберу,
пусть и грех – искуплю, проплачу;
всякой масти, любого калибру
мимоходом, тишком – отхвачу!
Пусть побегают.
Даже полиция
не затащит под аналой!
Одинокая, видно, волчица я,
и останусь по жизни такой.
Обозначу – лишь так, не иначе я –
непутевой свободой судьбу;
я любуюсь венцом безбрачия,
как якутским алмазом во лбу.

18.04.2013

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

А! Есть контакт – держи!
...И взгляды цепь замкнули.
И взяты рубежи –
контакт серпа и ржи,
контакт виска и пули.
И нет надежды в такт
попасть с судьбой и счастьем.
Любовь. Она ж – теракт.
И сладок ли контакт
наручника с запястьем?
Как будто бы в цепях
вдоль каторжного тракта.
Веселие и страх –
в занудливых строках
барачного контракта...
Эпистола. Стило.
На умиление, право –
так пишет де Лакло:
изысканное зло,
галантно и кроваво.
С порога – до утра –
две призрачных константы.
Опасная игра,
ни два, ни полтора, -
в просроченные фанты.
Внутри судьбы-сумы –
ни спеться, ни согреться!
Для истины-кумы -
контакт лучей и тьмы,
контакт стрелы и сердца.

22.04.2013

ОТТИСК

Носится весело пес беспородный.
Ветер сиреневый.
Облак кудлатый.
Крестик серебряный. Кустик смородинный.
Трепет межреберный.
Мостик дощатый...

Все как-то просто, и нежно, и праведно,
то, что навеки останется в силе:
фото в овале, последнее, мамино,
бархатцы в ряд на отцовской могиле...

Отсвет березовый в роще прозрачной.
Оттиск на сердце.
Святого касанье.
Детства и юности праздник утраченный –
в поле ромашковом,
в лунном сиянье...

22. 04. 2013

ЖЕМЧУГ

*«И прочла нанизанные стихи...»
(«Тысяча и одна ночь»)*

Не в лад с любой идиллией,
помимо лжи и вздора –
поэт с двойной фамилией
мерцает с монитора.

О, слова дар капризный!
О, славы гул невнятный!
На нить судьбы нанизанный,
мерцает жемчуг скатный.

О, душ немая пустошь,
о, темные умы...
Но свет ни с чем не спутаешь,
на свет идешь из тьмы.

Вот: «выйду ль я на реченьку,» -
звенит мотив простецкий.
Еще один по жемчугу,
Нелединский-Мелецкий...

Да, если уж по-честному,
Вселенная-константа –
лишь рамочка к чудесному,
к сиянию таланта.

Кто Музе раб, кто – господин...
А боль – все так же, столь же.

Еще один, еще один
не захотел подольше
на сей земле неправедной
гореть свечою пленной;
метать толпе беспамятной
свой жемчуг драгоценный...

28.04.2013

ВЕСНОЙ

Веселою кровью – вены.
Прозрачною сетью – тени.
Весна родилась из пены,
сиреновой пены сирени;
и лепет ручья утешный
под сению вербы гибкой;
и зелени зябкой, нежной
пахучий избыток зыбкий...
Раскрылись и замерцали
цветов колдовские очи.
Распахнуты ветром дали,
пропахли любовью ночи.
В сквозных перекрестьях линий
березы – порядок ладный!
Черемухи теплый иней,
и звезд говорок прохладный...
Ах, что есть на этом свете
дороже сих вешних меток?..
Весна ж растворится в лете,
смеясь напоследок...

03.05.2013

НЕПОНЯТНОЕ

«С кошачьей головой во рту...»

О. Мандельштам

Как часто в судьбе своенравной
умам беспокойным людским
вранье представляется правдой,
а доброе кажется злым.
Крещение, венчанье и тризну
встречаем багряным вином.
...А смерть представляется жизнью,
а жизнь притворяется сном.
Походкой ни шаткой ни валкой
минуты бредут, лепеча;
ветла обернется русалкой,
звездой обернется свеча.
Все странно, и зябко, и зыбко,
мгновенно, печально, смешно...
Вдруг кошка окажется скрипкой,
окажется небом окно.
Смотри: в ореоле нечетком
они перекинутся вдруг:
луна – влажноносим зайчонком,
дворцом – затуманенный луг;
дух – телом, ученый – балбесом,
музыка – ажурным мостом;
любовь – заколдованным лесом,
и морем, и медом, и льдом.
Что это – обман ли, обмен ли
вещей ли, веществ или тел?

О, вещий ты ворон, помедли,
зачем ты, зачем прилетел?
На радость насмешнику Локи,
под пенье расхристанных нот
актерства лихие уроки
у сущности явь наберет;
А навь – ухмыльнется, заплещет.
и Лета струится в ночи.
Гадая на чет или нечет,
удачу к себе залучи,
душа моя! Дверцу с опаской
в неведомый рай приоткрой,
Где ложь представляется сказкой,
тоска – милосердной сестрой...

12.05.2013

НАЧИТАВШИЕСЬ ДЕТЕКТИВОВ

«Любовь не алиби.

Любовь-то – мотив»

Н. Андреева, «Кен»

А вот не узнали бы,
мозги скрутив, -
Любовь – не алиби,
она – мотив!
Прошли и больше бы
постов-застав,
в клубок взъерошенный
судьбу смотав.
Не оправдали бы,
не отомстив.
Любовь – не алиби,
Она – мотив.
Вот – начертила бы,
босая – в хлам,
по влаге – вилами:
«Замкнись, сезам!»
Как в шторм на палубе,
как срыв, как взрыв:
Любовь – не алиби,
она – мотив.
Хоть на бумаге я
прочту судьбу.
Любовь же магия,
тотем, табу!
Не умирали бы,
не воплотив.

Любовь не алиби,
она – мотив.
Огни потушены
за дверьми.
Незванный – суженый –
приди, возьми...
Стихи-то – жалобы,
боль, наив.
Любовь не алиби,
она – мотив!
В наивной силище
играй, гормон!
Любовь – не игрище,
она – закон.

13.05.2013

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЮДМИЛЕ МИТИЧКИНОЙ

О Муза – дождались мы знака;
пошли мне затейливых фраз!
Людмиле, девчонке с истфака,
слагаю я песню сейчас.
Да – милая людям! – в короткой
сей фразе – нешуточный код!
Студенческой легкой походкой
Людмила по жизни идет.
Проходят за зорьками зорьки, -
все так же она молода!
Что возраст? Две лишних пятерки
вдобавок к дипломным – да-да!
Пятерка – и в замыслах личных:
семья, где тепло и уют,
и пятеро деток отличных
об этом сви-де-тель-ству-ют.
И всех покоряют заранее
улыбка в глазах и задор,
живое ее обаянье,
лукавство и мягкий напор!
И что, и откуда возьмется –
она это знает сама.
И речь ее реченькой льется –
от сердца, души и ума.
Как редко, о нрав ты наш женский,
в один сочетаешь проект
достоинство, юмор вселенский,
талант, доброту, интеллект!

И в библиотеке, и в хоре
ее ожидает успех!
И все же - учитель историк! –
она ведь, ребята, из тех, -
из тех, кто с познанием дружен,
трудом и судьбою храним,
из тех, кто всем до смерти нужен
и всеми по жизни любим!
И в песнях, и в стихотвореньях
Мы с гордостью вновь повторим:
«есть женщины в русских селеньях» –
На зависть селеньям другим...
28.05.2013

ВРЕМЯ

А время – гудящая лава,
конец обещает всему;
разнузданных весен орава,
гляди – улетела в тьму!
И осеней пышных станица,
и летних ночей череда,
и зим ледяных вереница,
исчезли, ушли навсегда.
И юности пыл нагловатый,
и детства живое тепло –
остались лишь тенью, лишь датой –
как будто ножом отсекло.
Никто не пытался дотолле
сдержать сей безжалостный нож...
Что ж, плакать прикажете, что ли,
о том, что уже не вернешь?
Так нет же... Ни ревности вящей
не стоит копить, ни обид...
О, жизни напиток пьянящий,
что в каждой секунде налит!
Пусть привкус все горше, и властно
злой опыт диктуют года, -
и капле пролиться напрасно
я не разрешу никогда.
Какою отмерено мерой
на пристани яви и сна,
и сколько – меж болью и верой –
неважно – все выпью до дна!

31.05.2013

СТИХИ ДОЛЖНЫ...

Стихи должны легко даваться
и тяжело должны даваться!
Да – сквозь бетон, согретый солнцем,
как шампиньоны, пробиваться!

Стихи должны шутя родиться,
но с муками должны родиться, -
плескаться, барахтаться, искриться
срываться, мучиться, томиться...

Стихи должны стоять, держаться,
забвенью не должны сдаваться,
как пограничники под Брестом,
любой ценой должны держаться!

Стихи должны бурлить и драться,
да – биться, бушевать, сражаться,
как кровь горячая по жилам,
нестись, пульсировать, взрываться.

Стихи должны витать, скитаться,
летать, взмывать, парить, взвиваться,
как птицы Божьи, ввысь стремиться,
чтоб вновь за землю уцепиться...

Стихи должны быть невесомы,
на крыльях бабочки несомы;
узором нежным впрок мерцаю,
легко светясь, легко сгорая...

Стихи должны идти лавиной,
фалангою – с отвагой львиной;
пусть землю сотрясает грозно
гоплИтов шаг неумолимый.

Стихи должны быть беспощадны,
стихи должны быть милосердны,
тихи, улыбчивы, отрадны;
темны, заумны, но понятны;
кинжальны, бешены, набатны...
И – по возможности – бессмертны...

Стихи должны быть...

31.05.2013

И ЕЩЕ ВОПРОСЫ

А мы одни, одни вовеки,
одни среди всемирной тьмы.
И что есть камни, что есть реки
на самом деле? Что есть мы?
Лепечут карты – лжет гаданье!
Секундный сон, единый взгляд...
О чем мурлычет подсознание,
Коран и Библия молчат?
О жизнь, вопросами твоими
мы все застигнуты врасплох.
Ну, что есть истина? Что имя?
Что есть душа, и что есть Бог?
Что есть огонь? Язык Вселенной?
Материи бездушный жар?
Что есть цветы в красе мгновенной –
знак милой лжи ли, рая дар?
О, как порядку и покою
поверить? Вот же, посмотри:
ведь пламя леденит порою,
а лед сжигает изнутри.
И камни движутся, и реки
несутся вспять по зову тьмы;
как звери, воют человеки,
сжирая ближнего с костями...
Ужель лишь тень, частицы праха –
добро, молитва, красота?
А мы, друзья, лишь сон Аллаха –
иль Будды, Яхве ли, Христа...
31.05.2013

НОЧЬ-БРОДЯГА

Мне не спится, мне неймется:
тень ли, боль ли – ничего!
Ночь пугливая несется
мимо дома моего.

Ночь-бродяга, ночь-русалка,
чернобурая лиса...
Шатко-валко, мне не жалко;
звезд смеются голоса!

Кобылица-полукровка,
разлюбезная – гони!
Ночь-хитрюга, ночь-плутовка,
зорьку алую верни!

Ах, вернешь ли, удалая?
Звезды ясные – ордой.
Теплый ветер никнет, тая
над колодезной водой.

Теплый морок, стынь колодца...
Млечный Путь, светясь, затих.
Ночь пугливая несется
мимо окон кружевных.

31.05.2013

ЦЕРКОВЬ В САМАРЕ

Если вы по Самаре ходили,
то увидеть вполне вы могли,
как готической церкви шпили
вырастают из русской земли.
Это Запад, прожженный и старый,
этот чистый, надменный покой –
над любимой, заветной Самарой,
над великою Волгой-рекой.
Чьи над этим трудились руки?
Вот она – красота во Христе,
красота без сомнений, без муки,
в абсолюте, в святой простоте!
Эта цифирь в параметрах рая,
этих строгих камней голоса,
и молитва людская, земная,
вознесенная в небеса.
Это - плоть, ограненная духом,
это явь, окрыленная сном...
Черт возьми, – мы бессмертны, по слухам,
будем жить – проживем, доживем!
И вознесся – той самую чашей –
европейский хрустальный покой
над расхристанной святостью нашей,
над великою Волгой-рекой...

31.05.2013

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

Расплещем ли, будто в запое,
судьбу прогулявшие в дым, -
весну - как вино золотое
с зеленым отливом хмельным?

Накинем ли мы под сурдинку
гаданья, гульбы и хвалы
весну – голубую косынку
с отливом сиреневой мглы?

Мы слышим – вошел в перелесок
тот звон, не попад и не в срок –
весны драгоценных подвесок,
запястий, браслетов, серег?

И в лете – мелькнувши подолом, –
растает – смотри не смотри –
весна – привиденьем веселым
под бликами юной зари.

31.05.2013

ХОЗЯЙКА

Посвящается З. А.

Тихий дом на сельской улице;
овцы, куры, сада тень...
Во дворе хозяйка трудится
весь прохладный майский день.

Вот присела невзначай она
на скамейку у ворот:
отвлеклась она нечаянно
от хозяйственных забот.

Посчитала деток с внуками –
в мыслях выстроила в ряд.
У нее потомков – шутка ли! –
ровным счетом пятьдесят!

Вон их сколько; ах, да точно ли?
Вот родни-то дал ей Бог –
сыновей, зятьев ли с дочками,
внуков, правнуков и снох!

Скольким – радость, свет да лапушка,
скольким им – родная кровь:
мать и бабушка, прабабушка,
сватья, теща и свекровь!

И зовет все поколения,
сразу все – на юбилей –
предвоенный год рождения
в старой метрике у ней.

Не забыть родного крова нам,
и родимого села...
Детство было небалованным,
трудной молодость была.

Не забыть былого-прежнего –
все работа... да война...
Но и Сталина, и Брежнева –
пережиты времена.

А земля – то снегом мается,
то травую шелестит...
А семейство разрастается
и вокруг нее шумит.

Кто-нибудь да есть у матери;
вон – стоят наверняка
то машина сына, зятя ли,
то велосипед внучка.

Без хозяйства жить не станешь же!
Как тут бросишь – не скажи...
Да хотя б носков и варежек
всем поди-ка навяжи!

И она не хочет складывать
рук натруженных своих.
Ведь она из этих, - правда ведь! –
русских женщин золотых,

что детей растили, радуясь,
хоть трудились на износ,

не завидуя, не жалуясь,
не показывая слез;

что в любую бурю выстоят,
и в беде не бросят нас:
им на плечи, вот уж истинно, -
Мать-Россия оперлась...

Ах, места родные, здешние!
хороши вы, спору нет!
...И роняют вишни вешние
на крыльцо свой легкий цвет...

08.06.2013

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

...Я задорого продан. Прими, красотуля, сдачу.
Ты – растеря моя, утеря моя, потеря.
Обними меня, и – я клянусь! – заплачу;
поцелуй меня – и я превращусь в зверя.
Под ногами пружинит земля, и прогнется небо,
и прольется небо слезами на пыль проселка.
Я любовью болен. Она же – мое плацебо.
Я страною странен, чей путь – за тропую волка.
Я стреножен, темен. Я стрёмен порой и страшен.
И теряет время свои стремена тугие,
устремляясь на зов мой немой. И – от яств и брашен,
от узорных башен – к неласковой ностальгии.
И объявится тут тиран, свирепея спешно,
чья прилежно расписана лотосами рубаха;
и торчит из короны лысина препотешно,
и начищен топор, свежим лаком сияет плаха.
Я коня тебе так отдам – не клади полцарства!
И себя отдам за твой голос, глаза и губы;
я любовью болен, она же – мое лекарство;
я чужбиной чуден – сверкайте, мечи и трубы!
Уговор мой, мой сговор, мой заговор – тенью зыбкой
мчится время за мной... И его приговор несносен...
Я тебя целовал. Ты давно уже рысью гибкой
припадаешь к стволам сонных елей и медных сосен.
Я мгновение вечным был – но остался смертным.
Я – расходник чудес, переходник из тьмы к свету.
Я – обычный... Я вербу рвал воскресеньем вербным.
Я – обыкновенный. Я – провод к Господню лету.

17.06.2013

ФОТОГРАФИЯ ПИКАССО

О, чудаки человеческой расы!
О, вдохновенья хмельная лоза!
Фотопортрет пожилого Пикассо;
светятся хитро шальные глаза.

Старый же черт, наказание и праздник!
Лысина – признак крутого самца.
Ишь, с папиросой засел, безобразник,
мартовский кот, пересмешник Творца!

Эти глаза темно-карего цвета –
топки души, где, геенне равно,
плавилось сущее, чтобы за это
красками жадными жечь полотно.

Отблеск верховный, греховная святость,
бешеный счет непростого пути.
Вот она, вот – исступленная радость
жить, рисовать, потерять и найти!

О, не жалеть – ни секунды, ни часа,
вплоть до калитки, где ангельский хор.
Смотрит вперед богоравный Пикассо,
так, что вот-вот задымит монитор.

25.06.2013.

РЫЦАРЬ И ПЕРИ

Я – крестоносец – каждый знает;
я жив войной, я бою рад.
Мой стан сурово облекает
железо потускневших лат.

Но ты – виденьем, с туч слетевшим,
пришла ко мне на склоне дня,
когда в колодце обмелевшем
поил я верного коня.

Дитя волшебного заклатья,
не отпугнул тебя мой вид –
ни крест литого рукояття,
ни крестоносный пыльный щит!

Ты легких локонов волною
мне плечи нежно обвила,
полупрозрачною рукою
мой шлем изрубленный сняла.

Уста твои и речи сладки...
Не знаю, чудились ли мне
парчи узорчатые складки
и звон браслетов при луне...

И с той поры - глаза закрою –
и жду, когда взойдет луна,
когда ты будешь вновь со мною,
из звезд и ветра соткана...

И ты, в глаза мне глядя, скажешь:
«люблю», - посланница чудес;
и ты в мои объятия ляжешь,
как кисть бойца в стальной эфес...

И кровь горячая, земная
моя – в безумии ночей
пускай сливается, вскипая,
с прохладной кровию твоей.

Пусть с наваждением, мне любим,
век оставаться суждено;
дитя суккубом ли, инкубом
родится – пусть, мне все равно!

Мне в Божий рай закрыты двери;
скажи, не опуская век,
моя задумчивая пери:
зачем мне рай?
Я твой навек...

30.06.2013

ПОГОНЯ

И вечерняя заря догорит дотла,
и покатится звезда, как монетка, звеня;
а счастье я всегда и ждала, и звала,
но счастье никогда не любило меня.

Стерегло меня в проулке, закрывало глаза,
и – сбегало по траве, по росе, хохоча;
и мелькало в ночи, и ходило с туза,
пока лунные лучи привечала свеча.

И венчали не меня на церковный лад,
и не дарили мне ожерелий-серег;
увозили не меня в карете на закат,
в веселый лабиринт бесконечных дорог.

Я искала, и звала, и ждала – хорош!
И без счастья проживу на этой земле.
Счастья нет.
Счастье – бред, счастье – грех и ложь,
в жемчугах и парче, в порше – шевроле.

Только алая заря, догорев дотла,
унесет во мрак свой алый прикид.
И не надо ничего, ведь сирень зацвела,
и брильянтовой пылью Млечный Путь пылит.
12.07.2013

ИЮЛЬ

Белеют облака, в лазури тая,
и голубая глубь на знает дна;
и в мураве таится золотая,
медовая, густая тишина.

Но – лепет ли листвы, иль гомон птичий,
ручья ли речи – столько выдают
наивных тайн и трепетных обличий,
прозрачных истин, ветреных причуд...

И жизнь идет, не торопясь, по краю,
знать не желая горя, лжи и пуль.
Благословенным перекрестком к раю
слепит глаза сияющий июль.

Дышать всем этим; выйти спозаранку,
впивая духом каждый миг и пядь,
траву, цветы и птичью перебранку...
Не дай нам Бог все это потерять!

14.07.2013

НОСТРАДАМУС

Святошей прослыви. Погрязни в хулиганстве.
Выдумывай тома прекрасной чепухи.
Но помни: вкривь ли, впрямь,
 во времени – пространстве –
хоть негодуй, хоть плачь – сбываются стихи.
О, нежничай с былым – в нирване ли, в смятенье;
то дУхи пристаю, то ластятся духИ...
И в первых трех, и в том – четвертом измереньи,
впотьмах и на свету – сбываются стихи.
Размечет ураган потертую колоду,
в колонну, как зэка, построятся грехи.
В эфирную тоску, в огромную свободу
нам души окунув, - сбываются стихи.
Развеются, как пыль, незыблемые стены.
Да, рыцарь – для меча, а пахарь – для сохи!
Он знал, кто при свечах строчил свои катрены,
как вечности диктант – сбываются стихи.
Как жизнь? Не отвечай! Отмажься – средне-сдельно.
Ночь тает, и глаза по-прежнему сухи.
Невинно, тяжело, и сладко, и смертельно,
мятежно и светло – сбываются стихи!
Не пестуй сны, бои, удачи и обиды,
но помни, перед Кем склонялись пастухи.
Свернутся небеса, и рухнут пирамиды,
но – Божьи письма – сбываются стихи.
Так сбудется весна, вся в золотом и синем!
Так сбудется заря – и станут дни тихи.
Мы будем живы все, не пропадем, не сгинем,
пока – назло всему – сбываются стихи...

27.07.2013

МЕТАМОРФОЗА

Ах, вечно не в доле... Доколе? Дотоле...
И я провожу светозарного Феба,
и я опрокинусь в ночное раздолье,
и крылья златые обнимут полнеба,
и клекот драконий наполнит округу,
и звезды крылатая тень перекроет,
и поздний прохожий присядет с испугу.
Кручина растет – оно того стоит!
Пространство, гремя, меж крылами вихрится,
доколе летать мне – дотоле – кто знает?
Все вижу – как дремлет, светясь, Жар-птица,
как Время росой на траву оседает!
И звездные искры, и лунные блески
горят в чешуе серебристо-жемчужной.
Лечу – не хочу вспоминать отголоски
той неги – нежданной, неважной, ненужной,
нездешней и грешной... О, было гаданье!
Огромно, как небо, бескрайнее слово.
Клубится мое огневое дыханье
в разбуженном воздухе мира ночного.
Сивилла, воссев на волшебной треноге,
хрипела: зачем не храним, что имеем?
Я спрячусь от жизни на Млечной дороге –
нарядным драконом, реликтовым змеем...

29.07.2013

ШИПОВНИК

Смотрите – какой удивительный случай!
Нахально шиповник пролез за ограду
и свесился вниз ярко-розовой тучей
навстречу людскому небрежному взгляду.

Я тоже наряжена – как же, конечно!
Ах, розаны по изумрудному полю!
Вот так бы залезть за ограду беспечно
и сверху высматривать лучшую долю...

Браслеты горят на руках загорелых
и вихрится юбка оборчатым краем.
Все носимся, бьемся в мечтах ошалелых,
и что же мы ищем? Не знаем, не знаем...

Спокойно! Без слез! Что любовник, что кровник -
на свете ничто не имеет значенья.
Ну, разве что этот блудливый шиповник –
ввиду исключения, ввиду исключения...

29.07.2013

«ОВОД»

Любимый, наивно-серьезный роман о любви,
Отце и Сыне, обмане, игре и зле...
О том, как тяжело порою жить меж людьми,
о том, как тонет свобода в людской крови.

...Глубокой ночью о деле шел разговор,
повстанцы судили – как зажечь пожар.
Он долго шутил, скрывая любовь и боль,
и Джемма сказала, снимая со свеч нагар:

«Мой друг, побудьте серьезным хоть пять минут;
о жизни и смерти речь, скорее всего», –
«О... ни минуты не буду серьезным, мой друг:
Ни жизнь, ни смерть не стоят того...»

29.07.2013

РЕЦЕПТ

Да, многие давно уже скумекали:
не так уж трудно, раскатавши сеть,
поэзии летучие молекулы
поймать, связать, в размеры запереть;
продернуть наживую рифму скатную,
как алую, светящуюся нить;
и тему ножевую, непечатную
в гармонию, пыхтя, преобразить;
и на свету предстать с невинной рожею:
Гомер, Никитин, Фет – ни дать, ни взять;
и забабахать истину расхожую,
и древних баек воз пересказать;
и мыслей сгоношить – уж как получится,
и что найдется – там, за гранью сна...
И поплывет строфа, как Божья утица
по омуту, по озеру без дна!
Ну, в общем, так – по графику смятения
веселого, под игом простоты,
без понта, без корысти, без сомнения,
без страха, без вранья, без суеты.

05.08.2013

ЕГИПЕТ

Корабль Ра горит на небосклоне,
и блеском утра светится река.
Царица тянет узкие ладони
к ладоням солнца, ласковым пока.
И губы темно-алого граната
чуть дрогнули, молитвы лепеча.
«Прекрасная пришла»... О, ярче злата
Ее глаза!
Точеного плеча
коснулся фараон. «О, благосклонна
Изида к нам: твоя краса цветет.
Знай, в лучшей мастерской Ахетатона
тебя мой старый скульптор ныне ждет.
И мощь богов вот- вот в страну ворвется,
внимая наш молитвенный призыв;
и мутный Нил привольно разольется,
сады и пашни жизнью напоив».

О, люди Нила! Вечная задача:
родиться, жить, и выжить... Пить и есть...
Как расцветала, радуясь и плача,
Вселенная, сработанная здесь!
Здесь древним колдовством струятся дали,
а иероглиф молча говорит,
как жили, и любили, и дышали
питомцы Хапи, люди пирамид.
Упрямство их, не ведая награды,
тысячелетьям гибельным назло
трудами тысяч вещице громады
на диво миру к солнцу вознесло.

И созерцали лунные дорожки
в реке - и неба выцветшую синь -
их женщины, изящные, как кошки,
и кошки их с повадками богинь.
Не меркнут краски, озаряя стены
гробниц и храмов; с вечностью на «ты»,
на нас взирают слепо и надменно
их боги, их рабыни, их цветы.
С их мудростью, на нашу непохожей,
какой они божественный закон
проведали – с их солнечною кожей,
светящейся сквозь белоснежный лен?
Остались нам с надеждою земною
свидетели забот, любви, скорбей –
гранитный Сфинкс, что с дом величиною
и малый бирюзовый скарабей...
Светлы дары Амона, Нут и Геба,
Осириса священная лоза...
И лучшая из женщин смотрит в небо,
не щуря подведенные глаза.
Они ушли. Но души их, поверьте,
растворены давно у нас в крови,
нам доказали, поклоняясь смерти,
что смерти нет для жизни и любви.

10.07.2013

КАРМЕН

Ты помнишь, как было в Севилье:
девчонка, дитя, егоза
в чулочках, в дешевой мантилье
менту засмеялась в глаза.
И прозу, как музыку, Муза
внесет, поклоняясь до земли.
«Кармен» - два великих француза
испанскую грусть нарекли.
Цыганщины впрок напустили,
к софитам, на бешеный свет –
и пряный распев сегидильи,
и виселицы силуэт.
Красотка, гадалка, вещунья!
Ты в плен невозвратный взяла,
глазами в ночи новолунья
сверкнув с воровского седла.
Шалава!
Твой дьявольский норов
какая взмутила звезда?
Ведь даже и кинематограф
давно уже твой навсегда.
Секрет человечьего рода...
Актеры все в тех же ролях.
И смерть, и любовь, и свобода
намешаны в равных долях.
И русская горькая лира
звения, издалика зовет;
они ль – Мариула, Земфира,
Марина ль – творят приворот?

Дано ль воровскую фортуна,
маршрут невозможных дорог
предвидеть по картам – так струнно
предвидел Плисецкую Блок.
Ничто под луною не вечно;
но слиты в рецепте давно
кровь бычья, и кровь человечья,
и ложь, и вина, и вино...
Узоры по памяти выткал
той бешеной страсти фасон;
и танец – фламенко, лезгинка ль
вскипает – горячечный сон.
Рванет хабанера, как мина,
чтоб нам – у костра, у жнивья –
распробовать запах жасмина
и огненный вкус бытия.

12.08.2013

НЕНАСТЬЕ

...И странный путь наутро снова начат,
и груз вины на плечи снова взят;
и странный дождь колыхнется, чудачит,
и невозможно отвернуть назад.
Свинцовой пеленой оделись дали,
в свинцовый плащ закуталась душа.
Нависла радиация печали,
остудою зловещею дыша.

Но – высь окно небесное открыла!
Простерла синь прозрачные крыла!
И мощь святая вечного светила
все укротила, все превозмогла!
Нас окатила непонятным счастьем,
свинец расплавил он – волшебный свет!
И долгий путь покажется прекрасным,
языческою радостью согрет.

О, сила Солнца древняя, благая,
превыше тьмы Творцом вознесена...
Вот почему от Андов до Алтая
молились ей иные племена,
склонялись ниц наивно и упорно
и приносили в жертву без конца
вино и мед, маисовые зерна
и – пленников горячие сердца...

19.08.2013

ПРИНЦЕССА КАДЫН

Ее хранила бережно под спудом
история – служанка Божьих сил.
Она явилась вдруг неожиданным чудом
ученым лбам – копателям могил.
Она сошла, согласно древней саге,
обратно в мир, одна из дивных дев,
нетленная, в нетленном саркофаге,
тысячелетья гиблые презрев.

Под толщею земли, под сенью мифов,
ледовой линзой скована, она
лежала – повелительница скифов, -
внутри, в спокойной, вольной позе сна,
укутана в своей могильной сени
в тяжелый мех, в неведомых шелках,
слегка согнув изящные колени,
сложив запястья в грузных жемчугах.

...Чтоб ей уйти от духов злой погони,
убитые во славу чистоты,
сарматские приземистые кони
ее умчали в царство темноты.
И амулеты золотом сияли,
покой усопшей призваны беречь;
алтайские грифоны обвивали
татуировкой – кожу тонких плеч.

Шаманка? Дева-воин ли, царица
с печатью знания на высоком лбу?

Но вот пришли значительные лица
решать усопшей вещую судьбу.
Загробного не опасались мщенья
творцы своих лишь мизерных судеб.
Вот содраны одежды, украшенья
разобраны, и разворочен склеп.

И что могли рабы публичной славы,
наград и званий, в вечной суете?
Ее забрали для людской забавы
и заперли в музейной духоте.
И вот она – немым «предметом быта» -
принцесса гор, Кадын, Очи-Бола –
от любопытных взоров не прикрыта
под створками витринного стекла.

И для того ль она восстала, братья,
небытию и нежити назло?
Смотрите: живы древние заклатья,
и дымной мглой хребты заволокло!
Сей ветхий мир, что накопил усталость,
от глупых дел людских – восстал, бурля;
и грозно на Алтае сотрясалась,
дивясь кощунству, древняя земля.

Нас, без вины виновных, сумасшедших,
тех мертвых уст неведомая речь
зовет из мрака дней, давно прошедших,
о мраке наших дней предостеречь.
О, люди! Балансируя по краю
злой бездны, к невозможному стремясь,

признайте, в пику аду или раю,
живых и мертвых жертвенную связь,
что неразрывна, хоть неосятима,
что очевидна, хоть покрыта тьмой...
Но мы живем – и проплывает мимо
свет древности, обманчиво немой.

30.08.2013

ЛЕТО

Вся в веснушках от солнечных зайчиков,
отступила весна-певунья
в золотую от одуванчиков,
молодую траву июня.
Отступила – вручила, сплавила
лету ясному власть шальную.
Таковы-то уж Божьи правила –
снова – заново – подчистую.
Пусть ворона, дождей пророчица
кару каркает... Лето, царствуй!
Спасу нет, как тебя мне хочется
удержать за подол цветастый!
Спас придет... И, медово-яблочный,
весь истомный, качнется август.
Звезды-яблоки в пруд русалочий
упадут, никому не в тягость.
Растерял шевелюры золото
одуванчик, седой, как ангел.
Небо снова грозой расколото:
серый бархат – с лица, с изнанки ль?
И заставит грязной проселковой
осень-ведьма, кума-вещунья,
с ним проститься – до новой шелковой,
горько-юной травы июня...

30.08.2013

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь, мой друг проверенный,
вершит свой стих затейный -
рябиново-серебряный,
верлиброво-хорейный –
порою этой странною,
ни с чем не сообразной, –
нежданной, нежеланною,
неистово прекрасной.

Ах, ветер ли – лошадкою,
бегущей стороною,
игреневой ли, гладкою,
гнедой ли, вороною?

Ах, деревья, как женщины –
нарядны без причины,
болтливо-переменчивы,
насмешливо-невинны...

Грусть лиственную, чистую
уравнивать не смею
с шуршащей, золотистой
гармонией твоею
и музыкой, подмешанной
к красе нерукотворной –
обманчиво-изнеженной,
валторново-минорной...

Как быть-то с нею, тающей,
всю голову смутившей,
и душераздирающей,
и душу исцелившей?

31.08.2013

ЗА НЕЮ

Смотрела я в окно и бонус
судьбы считала между дел;
а переполненный автобус
людскими байками гудел.

Народ скучал; о том, о сем он
бубнил, шутил – как мог, дай Бог...
С трудом по радио сквозь гомон
прорвался женский голосок.

Про что он пел, слегка истомный –
ответить точно не берусь;
про поцелуй средь ночи темной,
весну какую-то и грусть?

Кто выходил, кто, поднимаясь,
добро пристраивал свое...
Но голос пел и, улыбаясь,
вполуха слушали ее.

...Так и тогда, в степи без края,
на облучке, к ветрам привык,
свою девчонку вспоминая,
«любил и я...» - тянул ямщик.

Так, в первой паре каравана,
что брел, шатаясь от жары,
погонщик смуглый пел гортанно
про нежный взор из-под чадры.

Вот так всегда – в пути, в покое,
в тоске, в веселой кутерьме,
и при смерти, и в смертном бое –
одно и то же на уме!

Одно смущает и волнует,
и греет человеческий род –
кто и кого и где целует,
не любит, любит, бросил, ждет.

Да, деньги, слава, уж конечно!
Да, власть... Не спорю я о том.
Но – в очередь, причем навечно;
за нею - после, на потом!

31.08.2013

СТРАННЫЕ СТИХИ

Берег не пологий –
лоб береги!
Месяц двурогий.
Не видно ни зги.

Небо безбрежно;
не урони:
бережно – небрежно
долю тyani!

Брага! Мой хороший
бражник ночной!
Жбан-то порожний,
а порог – не мой!

ДорогА дорога,
за морем – оброк.
Дрожи дорожной
возьми впрок.

Видишь, путь жесток.
Так не пройти.
Выйди, перекресток
перекрести.

С кумою удачей
ночуй ночлег.
Омут чертячий...
Бери оберег!

Селезни с утками,
гуси-лебеди;
ой, и пел бы сутками,
да печаль в груди.

Веры вериги.
Легкий звон – в пыль.
Коржи-ковриги.
Ковром – ковыль.

Грозы – кубками
над Божьим рабом,
да голуби с голубками
на голубом...

31.08.2013

ДОРОГИ, БЕРЕГА, ВЕРИГИ

Дороги, берега, вериги,
калитки, весны и мосты;
попойки легкие и книги,
и ветра легкие персты;
и звезды робкие сквозь тучи,
и солнца тяжкие лучи,
и гор нехоженные кручи,
и томных рыцарей мечи;
и храмов светлые громады,
драконов вещих чешуя;
и вод прозрачных водопады,
и неба острые края...
Все в голове моей теснится,
томится, мается и ждет,
пока ворвется, закружится
стихов залетный хоровод...

31.08.2013

ТО, ЧЕГО НЕТ

... И нелепа, и нужна
лишь в закланье,
не имея права на
бытованье;
хоть несет ее молва,
мчит по свету...
Только нет ее, братва,
вовсе нету.
Мол, и Пушкин, и Басё
пишут складно...
Только нет ее, и всё,
нет – и ладно!
Эти томики-тома –
жесть, в натуре!
Место им должно быть в ма-
кулатуре.
Ай, да черная заря,
покрик галкин!
Ай да краля, ай да фря –
хвост русалкин!
Ай-да яблоки-хурма –
на рябине!
И Ерема, и Фома –
на помине!
Ай, больная голова,
сватья-печка...
Ай, выходит, дважды два
будет свечка...

Ой, хитра же эта голь –
в энту мать!
В общем, типа как бы ноль
в знаменатель.
Ай да папоротника
цвет незрячий...
Ай да вещеого зверька
смех собачий...

01.09.2013

ВЕСЕННИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ С ЦВЕТОМ И РИТМОМ

Серебряная весна.
Серебряный лунный иней.
Заря розовеет со сна,
младенца невинней.

Красного видишь коня
впереди красного лета,
среди белого дня,
посреди белого света?

Звон золотой тоски,
смех золотого Феба —
в дыханьи синей реки,
в волнах синего неба...

И снова зари кисея
в малиновой дымке тает.
В малиновые края
майская ночь слетает.

В сиреневой тьме мечты
звезды раскрыли очи —
сиреневые цветы
на черном шелке ночи...

15.09.2013

ГОЛЛИВУД

А что-то в нем есть, с этим светом,
и цветом, и звуком — на час, -
воспетом, спитом, перепетом
и проклятом тысячу раз!
Среди преступлений и балов
вкушай свой безжалостный хлеб,
игралище тайн и скандалов,
порока наивный вертеп!
С твоим сумасшедшим режимом
рекорды просмотров побьем,
братаясь с кривлякою Джимом
и Джонни твоим Воробьем.
Империя грез, как известно —
империя слез, разве нет?
Болей за красавца Сильвестра,
за Вивьен и Элизабет...
Экран — он и страсти разбудит,
и всю королевскую рать.
И нежная Мэрилин будет
смертельною славой сиять.
Пускай и сюжет глуповатый,
ни так, и ни сяк, ни о чем;
пусть мятый герой перемятый,
и морда лица кирпичом;
но — рой оголенных красоток,
телес силиконовых лоск,
и груди брильянтов и шмоток,
и взрыг одурманенный мозг;
и эти роскошные драки,
и взрывы, и кетчуп ручьем...
Взмывают в рассвет кадиллаки,
и кольты плюются огнем!

Лошадок модельные гривы,
ковбои, маньяки, воры,
ученые и детективы,
вампиры... миры и пиры...
И Дженнифер пятая точка,
и пятый святой элемент;
вихрь, бытия заморочка,
светись, золотой хэппи-энд!
Му god! Гадом буду! Что значит
сей график – ни пряник, ни хлыст?
Вперед! Оператор не плачет,
не знает преград сценарист.
Здесь могут вполне без опаски
ругаться, смеяться и красть!
Любви непристойные пляски,
богатства великая страсть.
Таланта и денег разметка,
чуть бреда... Не смейся, Бред Питт...
Бессмертное «Как ты там, детка?» -
и снова, и снова звучит.
Поп-корн обязательный слопав,
смотри, и мечтай, и балдей;
здесь нет лагерей и окопов,
и мрачных очередей,
голодных колхозов и грязных
проселков ты здесь не найдешь;
меж множества истин отвязных
мила невозможная ложь.
Эх, нам бы да ваши заботы
хоть раз Санта-Клаус принес...
И все же – да здравствует... что ты...
да будет - Империя Грез!

15.09.2013

ЗАКЛИНАНИЕ

О, звездная карта,
о призрак огня!
Праматерь Астарта,
послушай меня!

За древнею сагой –
запреты твои;
сивиллиной брагой
меня напои.

Бессмертна планида,
коррида любви.
Праматерь Исида,
благослови!

О, женская сила,
найди слова...
Шептала, корила
полынь-травы.

Толкнет и обнимет,
убьет- воскресит,
подарит – отнимет
Праматерь Лилит.

Меж звездного жара
свободно дыша,
любовного дара
взыскует душа.

Тяжелое тело
земли – не томи;
Праматерь Кибела,
глаза подними;

среди ласковых терний
мне слезы сотри –
разлуки вечерней,
любовной зари...

15.09.2013

ВДОХНОВЕНИЕ

...И подхожу к заветной двери я –
блуждать в декартовых крестах.
Стихов тревожная материя
шуршит и зыбится впотьмах.
И рифма издалека слышится,
и ритм железный восстает.
Искрится, зыбится, колышется
стихов заветный хоровод.
И, как монах, за мантрой мантру
диктует мысль со стороны.
Поэзии, как Пантократору,
душа и плоть подчинены.
Поэзии, как хану Батыю,
я все отдам когда-нибудь.
У вЕщей памяти сосватаю
вещЕй неведомую суть.
Все измеренья перепутаю –
ищу в пути за знаком знак.

... Хотя малостью, одной минутою,
секундой – быть, как Пастернак!
Как ртуть, колышется серебряно
тяжелых стоп крутой разъем.
Парит Декартова гипербола
над старым шпоновым столом.

16.09.2013

ОСЕННЕЕ

На асфальте желтый лист,
будто медный пятак.
Кто тебя под ветра свист
пожалует за так?
Где же счастье твое,
золотая весть?
Лишь седое воронье
в поле кружит здесь.
Под медовой сосной
стой, не верь, не играй
ты ни в чох, ни в сон дурной,
ни в вороний грай.
Ветер, часто дыша,
пьет луну да дна.
Это воля хороша,
а печаль смешна.
Пусть кружится желтый лист –
письмецо в рай.
Как осенний дождь, чист
твой смурной край.

16.09.2013

ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ

Синьор мой король!
В лапы смерти
в ущелье мы взяты врасплох.
Мы рубимся ныне, как черти,
как львы... Да поможет нам Бог!
Предательство... Те, кто повинны,
пусть прокляты будут судьбой!

...Но лавой летят сарацины
на латный редеющий строй;
их смуглые лица бесстрастны,
и острые сабли легки.
Синьор мой! Усилья напрасны,
врагов прибывают полки.

Вперед! Пусть кровавым закатом
оденется горная даль!
Разит, как и прежде, булатом
двуручный мой меч Дюрандаль.
Синьор мой король!
Я изранен;
вокруг все друзья полегли.
«Победа!» - кричит назарянин,
и наши знамена в пыли.

Ужели нас больше не любит
Дени, наш великий святой?
Отчаянье горькое трубит
в мой рог, серебром обвитой.

Подмоги нам нет и защиты,
изрублены наши щиты.

Синьор мой король!
Мы убиты, -
со смертью отныне на «ты»;
но знаем теперь, что на свете
есть слава, пустая досель;
что и через тысячелетье
про нас пропоеет менестрель.

16.09.2013

БАБЬЕ ЛЕТО

Лиловым облаком играя,
голубя тихо птичью стаю,
простерлась бездна голубая
(вот так я небо называю).

И не поет в ночи жалейка.
Светло, и горько, близко к краю,
очнулась осень-златошвейка
(вот так я осень называю).

Хоть смысла нет вздыхать о прежнем,
взывать к сиреневому маю,
сиреной, навкой, сердцем грешным
зову, взываю, призываю...

Хоть не вернешь тепла бывшего
(вернее верного, я знаю!) –
всей силой слова колдовского
я снова лето вызываю.

Оно на миг вернется – в странных
моих мечтах. Я не гадаю
на бабий век. Вернись, мой странник...
Лишь так тебя я называю...

16.09.2013

ДОРОЖНЫЙ РАЗГОВОР

...Попутку тогда тормознула я вмиг.
Сидел за рулем коренастый мужик.
Другой был поддатый, седой, пожилой;
на заднем сиденье он был, и со мной
сейчас же завел разговор без затей
про цены, рыбалку, семью и детей.
И сам рассказал, и меня расспросил...
Что, ж, русский обычай, и сердцу он мил.
Сказала спроста я: «Привет сыновьям;
их трое у вас, я завидую вам».
Смутившись, руками развел мужичок.
«Завидовать мне? Да избави вас Бог!
Ребят-то хороших я вырастил, да...
Не жалуюсь, правда. Вот только беда:
вон сын за рулем, и второй шоферит,
а третий мой сын на Кавказе убит».
Мужчина замолк, и слезы он не стер;
а дальше не клеился наш разговор.
Я вышла, простилась. Такой вот расклад:
цари, президенты – а гибнет солдат.
Живу, и доселе все слышится мне:
«А третьего сына убили в Чечне...»

17.09.2013

БЕРЕЗА В ОКТЯБРЕ

Любовь – отчасти, и каприз – отчасти;
а злой октябрь срывает якоря.
Ну, что ты можешь мне сказать о счастье,
береза – рыжим пламенем горя?

Ты, в ветреной купели догорая,
осыплешь всех беспечною казной;
ну, что прикажешь делать, дорогая,
и с золотом твоим, и белизной?

О, нет в тебе ни грусти, ни обиды,
и стройный ствол притягивает взгляд.
Перед тобой аэды и друиды
свои молитвы тихие творят.

С твоей красой живою и отрадной
забудусь,
и очнусь (как слабы мы...)
в твоих ветвях – прозрачною дриадой,
рыдающей в предчувствии зимы...

21.09.2013

ОСЕННЕЕ

Осенним, золотым, подветренным уставом
предписана уму - сомнений череда;
прохладным небесам и порыжевшим травам –
стутившаяся синь осеннего пруда.

Прощальным крикам птиц идет хрустальный иней,
шуршащий листопад, летящий снегопад...
Луна бредетверху печальной инокиней,
за тучами укрыв свой неотступный взгляд.

И так легко идти, вдыхая запах свежий
ветвей, и ничего не ожидать взамен;
и быть в родстве с листвой и ветерком-невежей,
и небо ощущать в неслышном гуле вен...
22.09.2013

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
Как это было	4
Кем работает мой брат	6
Параллельные рифмы	7
Попытка выражаться научно	8
В шутку о серьезных вещах	10
Правое - левое	12
Ночью	13
La belle France	14
Раздумье	16
Грустные стихи	18
На закате	20
Версификационный опыт на основе фразеологизмов	21
Рассказ дамы с портрета	23
Ассонанс грозы и ночи	26
Тени	28
Странные мысли	29
Попытка молиться	30
Потеря	31
На том берегу	32
Быть или не быть	34
Русская песня	36
Высоцкий	38
Всё кончено	40
Крутится, вертится... ..	41
Не отвлекай	42

Размышление	43
По Пифагору	44
Как его убили	45
Возрождение	46
Бородино	48
Зимний Моцарт	51
Мечта	53
Сестра моя Европа	54
Петр Дранга	57
Лермонтов	59
Про жизнь, или привычка петь по утрам	60
Шутливая вариация на тему 66 сонета та	61
Театр	63
Памяти Семена Гудзенко	64
Нотр Дам	66
О жизни	67
Комплекс неполноценности	69
Совет	70
Баллада о графской дочери и о рыцаре Луи	71
Арифметика бытия	75
Урок истории	77
Памяти оперетты	80
Стихи	82
Литвинова	83
Неправильная любовь	85
Ночная гроза	87
Цыган	88
Петербург	89

Время	91
Интраверт	92
Мой хаос	93
По Гоголю	95
Я такая	96
Тому, кто отрицает –измы	97
Высоцкий	98
Призраки ночи	102
Смоктунровский	103
Сбылось	104
Птица райская	105
На будущее	106
Всё найдется	108
Солдаты весны	110
Амфибрахий февраля	112
Вариация на тему Лермонтова	113
Мой замок	114
Мои художества	116
Каменный гость	118
Лейла и Меджнун	121
Язычники	123
Предсказание	125
Одна восьмая	127
Кони времени	129
Зимняя фантазия	136
Благая весть	131
Неразбериха	132
Попытка выражаться современно	134
Калам	135
Попытка подражать Пушкину	136

Пожитки	137
Бестолковая притча	138
Холодная весна	140
О чём поют	141
Кикимора	142
Манасчи	144
Полнолуние	146
Предательство	148
Венец безбрачия	150
Опасные связи	151
Оттиск	152
Жемчуг	153
Весной	155
Непонятное	156
Начитавшись детективов	158
Посвящается Л. Митичкиной	160
Время	162
Стихи должны... ..	163
И ещё вопросы	165
Ночь-бродяга	166
Церковь в Самаре	167
Приметы весны	168
Хозяйка (Посвящается З. А.)	169
Обыкновенное чудо	172
Фотография Пикассо	173
Рыцарь и пери	174
Погоня	176
Июль	177
Нострадамус	178
Метаморфоза	179

Шиповник	180
«Овод»	181
Рецепт	182
Египет	183
Кармен	185
Ненастье	187
Принцесса Кадын	188
Лето	191
Сентябрь	192
За нею	193
Странные стихи	195
Дороги, берега, вериги	197
То, чего нет	198
Весенний эксперимент с цветом и ритмом	200
Голливуд	201
Заклинание	203
Вдохновение	205
Осеннее	206
Песнь о Роланде	207
Бабье лето	209
Дорожный разговор	210
Береза в октябре	211
Осеннее	212

